

О. Рубинчик
Санкт-Петербург

**Анна Ахматова и Наталия Крандиевская:
история поэтического диалога¹**

В первом сборнике стихов Н. В. Крандиевской, вышедшем в конце 1913 года, есть стихотворение:

***

Не с теми я, кто жизнь встречает,
Как равную своей мечте,
Кто в достижениях замедляет
Разбег к заоблачной черте,

Кто видит в мире только вещи,
Кто не провидит через них
Предчувствий тягостных своих
Смысл и печальный, и зловещий.

Но чужды мне и те, кто в мире
Как стран заоблачных гонцы.
Мне не по силам их венцы
И золото на их порфире.

Иду одна по бездорожью,
Томясь, предчувствуя, грустя.
Иду, бреду в Селенье Божье,
Его заблудшее дитя...

А в 1922 году А. А. Ахматова написала стихотворение:

***

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

Тот же размер, тот же характер рифмовки (у Крандиевской, правда, во второй и третьей строфе перекрестная рифмовка сменяется кольцевой), то же количество строф, наконец, тот же синтаксический ход:

Не с теми я, кто...
<...>
Но...

При этом смысл стихотворений совершенно различен, в этом плане они как будто даже не пересекаются. Может быть, они не связаны друг с другом, а имеют общий претекст?

На один весьма вероятный источник ахматовского текста указал в комментарии к нему М. М. Кралин: «Смысл этого стихотворения расширяется и дополняется, если учесть стихотворение А. С. Хомякова “Мы род избранный, – говорили...”».³ Вот это хомяковское произведение (1851), в свою очередь отсылающее к Библии:

***

«Мы – род избранный, – говорили
Сиона дети в старину. –
Нам Божьи громы осушили
Морей волнистых глубину.

Для нас Синай оделся в пламя,
Дрожала гор кремнистых грудь,
И дым и огонь, как Божье знамя,
В пустынях нам казали путь.

Нам камень лил воды потоки,
Дождили манной небеса;
Для нас закон, у нас пророки;
В нас Божьей силы чудеса!»

Не терпит Бог людской гордыни;
Не с теми Он, кто говорит:
«Мы – соль земли, мы – столб святыни,
Мы – Божий меч, мы – Божий щит!»

Не с теми Он, кто звуки слова
Лепечет рабским языком
И, мертвенный сосуд живого,
Душою мертв и спит умом.

Но с теми Бог, в ком Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия.

Он с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиром не творил.

Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиами;
Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в Господень храм!⁴

Что общего у ахматовского стихотворения с хомяковским? Размер, перекрестная рифмовка, начало строки – «Не с теми...», у Хомякова имеющее характер анафоры и потому запоминающееся, несмотря на бурное многословие. Можно усмотреть даже «но»: «Не с теми <...> Но с теми...». Что касается содержания, то Ахматова

скорее ориентируется на ряд других стихов одного из основателей славянофильства – на стихи, посвященные теме России. А в данном случае ее объединяет с давним предшественником не столько смысл, сколько мощь пафоса (у Хомякова – пророческого). Кажется, ее стихотворение написано от противного: не Бог выбирает, с кем быть, а «я», переходящее в «мы»; у Хомякова – «Не с теми Он, кто говорит: / “Мы – соль земли, мы – столб святыни, / Мы – Божий меч, мы – Божий щит!”», у Ахматовой – «Мы ни единого удара / Не отклонили от себя»; у Хомякова – «Не терпит Бог людской гордыни», у Ахматовой – «Но в мире нет людей бесслезней, / Надменнее...» (это надменность не тех, кто облагодетельствован Всевышним, а тех, кто всего лишен). И даже предстоящий суд («в оценке поздней») здесь, видимо, не столько Божий, сколько суд истории. Впору вспомнить другое ахматовское стихотворение того же времени – «Земной отрадой сердце не томи...» (1921), завершающееся строкой: «И не проси у Бога ничего».

В целом по своему рисунку произведения Ахматовой и Хомякова имеют между собой меньше сходства, чем четкие по структуре, лаконичные тексты двух молодых поэтесс начала XX века, так что естественно полагать, что «Не с теми я, кто бросил землю...» восходит и к Хомякову, и к Крандиевской. Причем основной претекст, без которого ахматовское стихотворение не было бы написано или оказалось бы совсем другим, – стихотворение Крандиевской, а Хомяков учтен в связи с тем, что к нему, несомненно, отсылает «Не с теми я, кто жизнь встречает...». У Крандиевской, помимо формального сходства в сочетании с юным своеволием, заменяющим «Не с теми Он» на «Не с теми я», есть переключка с Хомяковым по существу: речь идет о слове, о соприкосновении человеческого с божественным. Наконец, отсылка к Хомякову – в смиренной концовке:

Иду, бреду в Селенье Божье,
Его заблудшее дитя...

Чем же стихотворение Крандиевской так задело Ахматову, что аукнулось через много лет?

Как отметил в своей работе Р. Д. Тименчик, «Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая (1888–1963) как поэтесса уже после первого

ее сборника противопоставалась некоторыми критиками акмеистам:

“Это – задушевная интимная *лирика, музыка души*, в которую перелагает молодая поэтесса свои переживания (которых так чураются наши адамо-снобы!)”, и цитировались с этой целью ее стихи:

Кто видит в мире только вещи,
Кто не провидит через них
Предчувствий тягостных своих
Смысл и печальный, и зловещий». ⁵

Приведенная в пример рецензия принадлежит перу писательницы А. Н. Чеботаревской – жены и соратницы Ф. К. Сологуба. Дружа с Крандиевской и симпатизируя ее стихам, Чеботаревская задушевляет то, что лишь первые две строфы цитируемого произведения посвящены акмеистам, третья же (не упомянутая) – символистам, т. е. на самом деле Крандиевская чувствует свою отдельность и от тех, и от других. Она выбирает литературное одиночество, Чеботаревская же осторожно перетягивает ее в свой лагерь:

«И хотя Нат. Крандиевская в стихотворении:

Не с теми я, кто жизнь встречает,
Как равную своей мечте...

и хочет откреститься от всех поэтов-современников <...> мы видим в ней даровитую, самостоятельную наследницу символистов...». ⁶

Так эффект от стихотворения, наверняка с заостренным вниманием прочитанного Ахматовой ⁷ в книге Крандиевской, усиливается благодаря заметке рецензента, вышедшей в период борьбы символизма с акмеизмом. ⁸ Но и это еще не все. Хвалебная рецензия Чеботаревской на книгу Крандиевской идет в журнале непосредственно после развернутой статьи Иванова-Разумника «Жеманницы (“Четки” Анны Ахматовой и “Печальное вино” Веры Инбер)», где Ахматова ставится на одну доску с В. М. Инбер и на разные лады повторяется мысль, что в «Четках» – «вялое равнодушие к миру», «всюду одна и та же жеманная улыбка или жеманная печаль, ограниченный диапазон поэтического чувства, но несомненная поэзия». ⁹ Таким образом, полемическое, но абсолютно не оскорбительное стихотворение,

в котором Крандиевская, стремясь понять себя, отмежевывается от символистов и от появившихся в печати в начале 1913 года манифестов акмеистов¹⁰ и в котором нет ничего собственно антиахматовского, было воспринято Ахматовой с острой обидой.

В 1914 году имена Ахматовой и Крандиевской в рецензиях неоднократно оказывались рядом. Кроме уже упомянутых текстов, можно назвать статью В. Я. Брюсова «Год русской поэзии. Апрель 1913 – апрель 1914».¹¹ В ней, в разделе «Продолжатели», начало которого посвящено молодой женской поэзии, поэтессы расставлены по ранжиру: Ахматова («Среди книг молодых поэтов, ищущих “нового” на “старых” путях, определенно выделяются “Четки” А. Ахматовой. <...> Однако поэтический горизонт “Четок” почти тот же, что и “Вечера”, и теперь уже можно опасаться, что он так и останется довольно ограниченным»); М. Л. Моравская («Художественная ценность книги г-жи Моравской, как по технике стиха, так и по его глубине содержания, нам представляется менее значительной, нежели книги г-жи Ахматовой; но мы должны признать, что в стихах г-жи Моравской есть поэзия подлинная»); Крандиевская («Труднее сказать, с полной определенностью, то же о стихах г-жи Крандиевской. <...> Однако у г-жи Крандиевской есть и стихи и не банальные <...> Важнее того, у нее есть способность передавать стихами чувство...»); Инбер («...г-же Инбер угрожает опасность остаться умелым стихотворцем и только»).

У С. М. Городецкого также на первом месте Ахматова, за ней говорится о Крандиевской, Моравской, Инбер, В. И. Рудич, М. В. Шретер. О Крандиевской он пишет: «Насколько умела Ахматова, настолько беспомощна технически Наталия Крандиевская. Отсутствие школы бросается в глаза, прежде всего, при анализе ее милого и честного таланта. Вся ее книжка овеяна глубоким, сосредоточенным страданием. Ее темы – темы любви и материнства. Но каким ненужным грузом лежат на ее стихах такие эпитеты, как “беспеременный”, такие строки, как “То сева древнего взошедший колос”! Зачем это воспоминание чужого витийства? Такие пережитки нередко обременяют стихи Наталии Крандиевской, по существу волнующие и напряженные».¹³ Незаслуженно резкие слова о технической беспомощности, об отсутствии школы, думается, связаны с тем, что Крандиевская не только не пошла в Цех поэтов и школу акмеизма, но и за-

явила о своей независимости в двух первых строфах стихотворения «Не с теми я, кто жизнь встречает...». А в это время акмеистам было важно утвердить свою школу, и, говоря об Ахматовой, Городецкий подчеркивает именно ее «школьные» заслуги: «“Настроению”, которым дорожила символическая лирика, здесь противопоставлен факт. Музыкальная последовательность образов заменена хронологической последовательностью событий. Пышные фразы заменены разговорным языком».¹⁴ Интересно, что все это можно было бы применить и ко многим стихам Крандиевской, в частности – к написанному за 10 лет до рецензии Городецкого стихотворению «В глуши» (о нем – позднее). Другое дело, что стилистика Крандиевской, как, впрочем, и ахматовская, к этому не сводится.

Кроме статей, где имена двух поэтесс оказываются рядом, что вольно или невольно провоцирует на сравнение, их имена в том же году назывались порознь – в других контекстах или в отдельных рецензиях. Ахматова могла, например, читать проникновенную хвалебную рецензию Арсения Альвинга: «Стихотворения Крандиевской прежде всего поражают той мудрой скупостью слов, что являются обыкновенно признаком поэзии углубленной, истинной. Эта нерасточительность, это умение средствами простыми создавать образы сжатые, острые, колющие – радует чрезмерно. Мягкая лирическая печаль, нежно туманящая отчетливость этих образов, похожа порою на тяжелую вуаль слез, сквозь которую хотят и не могут улыбнуться немного усталые глаза, порою же она переходит в горечь тревожной тоски... Мучительные раздумья поэта так, раз навсегда, сгруппировались вокруг полынных, отравных слов: груз, тщета, отречение, бренность, ненасытимость, томление. Эта огорченность, эта тихая мятежность, не заставившая, однако, потерять полупантеистическую связь с миром, и доводит душу поэта до состояния загроможденности:

И тяжким шагом, не спеша,
Как труженик в толпе блаженной,
Проходит с ношею священной
Загроможденная душа.

Любопытно и приятно отметить то, что в данной книге мало специфических черт чисто женского творчества – большинство сти-

хов чисто мужские и по силе изобразительности, и по господству разлитой в них мысли. Самой значительной по содержанию пьесой представляется “Мое начало” с его тревожной интродукцией:

Нет, не грядущее мне дико,
А прошлое небытие!
Ужель с младенческого крика
Возникновение мое?

<...> Если ж можно говорить о влиянии, то следует упомянуть таких поэтов, как Тютчев и Бальмонт. <...>».¹⁵

Некоторые рецензенты отмечали в стихах Крандиевской гармоничное единство мысли и чувства, глубину, мудрость.¹⁶ Софья Парнок (под псевдонимом Андрей Полянин) писала: «...в тютчевской сгущенности слова, в сгущенности, происходящей от насыщенности содержанием, есть своя, особая, волнующая музыка».¹⁷

В номере за декабрь 1918 – январь 1919 года екатеринбургского журнала «Лесное эхо» вышла статья В. Шумского «Женская лирика (эскиз)». Хотя с 1913 года до этого времени Крандиевская не выпустила ни одной книги стихов, а публиковалась лишь в периодике и коллективных сборниках, ее имя здесь названо первым, и вновь – по соседству с ахматовским, казалось бы, уже несколько лет бесспорно первенствующим: «Но среди этого моря “дамской поэзии” есть несколько возвышающихся островков, которые манят к себе. Есть ряд имен, заставляющих отнестись к ним серьезно, со вниманием. Таковы – Н. Крандиевская, Анна Ахматова, покойная Н. Гр. Львова, М. Шагинян, Т. Ефименко, С. Парнок, таинственная Черубина де Габриак, Марина Цветаева и некоторые другие. <...> Вот с мудрым и строгим лицом поэта, испытавшего многое в жизни, выходит к нам Н. Крандиевская. Ее переживания, запечатленные в тонких, простых стихах, все проходят в мудрой, углубленной тишине созерцания мира и пытливых вопрошаний мысли. Она – “мудрая, в пути все улады проходила мимо”. <...> Во всем скрыт “смысл и печальный, и зловещий” – и дух хочет разгадать этот смысл, жаждет проникнуть и в прошлое, и в будущее, познать тайны рождения и смерти. <...> Та же острота и нежная мощь и в стихах о любви...».¹⁸ Об Ахматовой Шумский пишет: «... У Ахма-

товой больше тоски и отчаяния <чем у Т. Ефименко. – О. Р.>. Эта поэтесса чувствует себя “иностранкой” в нашем мире, не может найти себе в нем места. С напряженным вниманием она всматривается в повседневность, видит в ней таинственный смысл – и боится его, странная тоска пугливая охватывает ее душу. Была у нее любовь, но любовь печальная, принесящая смятение и изнеможение. Теперь она одинока, ибо

“Умер вчера сероглазый король”...

Лирика Ахматовой ограничена узким кругом тем об интимных чувствах и переживаниях, но несмотря на это ее простые, целомудренно строгие стихи многим становятся близкими и необходимыми. В этом – тайна символического творчества поэтессы». ¹⁹

Ахматову, несомненно, должны были раздражать часто звучавшие даже в положительных отзывах слова об узком круге тем. И хотя рецензий на ее стихи было несравнимо больше, чем на стихи Крандиевской, и слава ее была несравнима со скромной известностью Наталии Васильевны, после текстов, подобных статье Шумского, чувство соперничества получало новую пищу.

Ахматовское стихотворение «Не с теми я, кто бросил землю...», написанное в июле 1922 года, по отношению к Крандиевской можно назвать «поздним ответом», ²⁰ «отсроченным ответом», ²¹ а по отношению к другим адресатам, среди которых нужно назвать, прежде всего, А. Н. Толстого, – ответом «срочным». ²²

С лета 1918 года по лето 1923 года Крандиевская с мужем Алексеем Николаевичем Толстым и детьми находилась вне Советской России, сначала в белой Одессе, затем в эмиграции: во Франции, а с октября 1921 года – в Германии. Когда в марте 1922 года в Берлине начала выходить сменовеховская газета «Накануне», активно призывавшая возвращаться в Советскую Россию, Толстой возглавил ее литературный отдел, а затем стал редактором ее воскресного «Литературного приложения». 30 апреля, в первом же приложении на первой же странице были опубликованы два стихотворения Ахматовой. ²³ В июле того же года Корней Чуковский записал в дневнике: «Встретил Ахматову. <...> Заговорила о сменовеховцах. Была в “Доме литер<аторов>”. Слушала доклад редакторов “Накануне”. “Отвратительно! Я сказала Волковыскому: представьте мне редактора “Накануне”. ²⁴ Мы познакомились. Я и говорю: – Почему

вы напечатали мои стихи? – Мы получили их из Москвы. – Но ведь я в Москве не была семь лет.²⁵ – Не знаю, справлюсь в Берлине и напишу вам. – Нисколько эти люди не теряют равновесия ни в каких случаях”».²⁶

1 августа 1922 года в петроградском журнале «Литературные записки» в рубрике «Письма в редакцию» появился такой текст:

«В литературном приложении к газете “Накануне” от 30 апреля с. г. были напечатаны мои стихотворения: “Как мог ты...” и “Земной отрадой сердца не томи” с следующим примечанием: “Печатаемые здесь два новых стихотворения Анны Ахматовой должны появиться в России в альманахах “Утренники” и “Парфенон”. Оба стихотворения доставлены редакции “Накануне” без моего согласия и ведома.

А. Ахматова.

От редакции. К письму А. Ахматовой приложены заявления издательства “Парфенон” и редактора “Утренников” Д. А. Лутохина о том, что они никому не передавали названных стихотворений для перепечатки.²⁷

«Сначала Ахматова сотрудничала с большевистской зарубежной прессой», – пишет Р. Д. Тименчик, называя газеты: рижскую – «Новый путь», хельсинкскую – «Путь», берлинскую – «Новый мир». «По-видимому, она вступила в издательские отношения с петроградской “конторой советских иностранных газет” <...> К июлю 1922 года провокаторская роль сменовеховцев стала для нее очевидной...».²⁸ Подробно об этой роли и о роли Толстого в событиях этого периода можно прочесть в работе «Русский Берлин»,²⁹ а я отмечу лишь несколько моментов, которые нашли острый отклик у Ахматовой.

В открытом письме Николаю Васильевичу Чайковскому – ответе тем эмигрантам, которые обвиняли его в предательстве за сотрудничество в «Накануне», – Толстой, в частности, писал: «Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, то есть человека, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам. В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. <...> Красные одолели, междоусобная война кончилась, но мы, русские эмигранты в Париже, все еще продолжали жить инерцией бывшей борьбы. <...> От этого постоянного столкновения воспаленной фантазии с реальностью, от этих постоянных сотрясений многие не выдерживали. Мы

были просто несчастными существами, оторванными от родины, птицами, спугнутыми с родных гнезд. Быть может, когда мы вернемся в Россию, остававшиеся там начнут считаться с нами в страданиях. наших было не меньше: мы ели горький хлеб на чужбине.

Затем наступили два события, которые – одним подбавили жару в их надеждах на падение большевиков, на других повлияли совсем по-иному. Это были война с Польшей и голод в России.

Я в числе многих, многих других, не мог сочувствовать полякам, завоевавшим русскую землю <...>. Приспело новое испытание: апокалипсические времена русского голода. Россия вымирала. Кто был виноват? Не все ли равно – кто виноват, когда детские трупы сваливаются, как штабели дров у железнодорожных станций, когда едят человежье мясо. Все, все мы, скопом, соборно, извечно виноваты.

<...> За большевиками в прошлом – террор. Война и террор в прошлом. Чтобы их не было в будущем – это уже зависит от нашей общей воли к тому, чтобы с войной и террором покончить навсегда... Я бы очень хотел, чтобы у власти сидели люди, которым нельзя было бы сказать: – вы убили.

Но для того, предположим, чтобы посадить этих незапятнанных людей, нужно опять-таки начать с убийств, с войны, с вымаривания голодом и прочее. Порочный круг. И опять я повторяю: я не могу сказать: – я невинен в лившейся русской крови, я чист, на моей совести нет пятен... Все, мы все, скопом, соборно виноваты во всем совершившемся. И совесть меня зовет не лезть в подвал, а ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, – но вколотить в истрепанный бурями русский корабль».³⁰

В ответе К. И. Чуковскому от 20 апреля 1922 года, опубликованном адресатом в «Литературных записках», Толстой писал: «...Вы доставили мне большую радость Вашим письмом. Первое и главное это то, что у вас, живущих в России, нет зла на нас, бежавших. Очень важно и радостно, что мы снова становимся одной семьей. <...> Эмиграция, разумеется, уверяла себя и других, что эмиграция – высококультурная вещь, сохранение культуры, неугашение священного огня. Но это так говорилось, а в эмиграции была собачья тоска: – как ни задирались, все же жили из милости, в людях, и думалось, – быть может, вернемся домой, и там примут неласково: – без вас обходились, без вас и обойдемся. Эта тоска и это бездомное чувство вам, очевид-

но, незнакомы. Признаваться в этом тяжело, но нужно. На чужбине мы ели горький хлеб».³¹

«Горький хлеб на чужбине» из обоих писем Толстого отозвался в ахматовском стихотворении строкой «Полынью пахнет хлеб чужой»,³² жалостью, смешанной с презрением: «Но вечно жалок мне изгнанник, / Как заключенный, как больной». Но куда сильнее сочувствия звучит в нем мотив отмежевания от тех, кто, подобно Толстому, считал, что может быть с оставшимися в России «одной семьей», может уравнивать свои страдания с их страданиями и разделить с ними свою вину перед брошенной «на растерзание врагам» страной. Так что строка «Им песен я своих не дам» и ахматовская отповедь газете «Накануне» в «Литературных записках» прямо между собой связаны.

Однако резкость ахматовской реакции, думается, вызвана не столько письмами Толстого, сколько письмом Чуковского к нему. Оно, видимо, не предназначалось автором для печати, тем не менее Толстой его (с некоторыми пропусками) напечатал 4 июня 1922 года в «Литературном приложении» к «Накануне»: «...Я радуюсь тому, что происходит с вами. Ваш ответ Ч<айковско>му прекрасен. <...> Слава Богу, ненависти к своему народу у меня и мимолетной не было. Я сразу пошел читать лекции матросам, красноармейцам, милиционерам – всем *нынешним людям*, которых принято так ненавидеть, и, читая, чувствовал: “это Россия”. <...> Говорить о “гибели” России, если в основе – такой прочный, духовно одаренный, работающий народ, – могут только эмигранты – в Париже, Софии и Праге. Теперь эмигранты каются и “прозревают” <...> но, дорогой Толстой, не думайте, что эмигранты только за границей. <...> В 1919 году я основал “Дом Искусств”, устроил публичные лекции, привлек Горького, Блока, Сологуба, Ахматову, А. Бенуа, Добужинского, устроили общежитие на 56 человек, библиотеку и т. д. И вижу теперь, что создал клоаку. Все сплетничают, ненавидят друг друга, интригуют, бездельничают – эмигранты, эмигранты! Дармоедствовать какому-нибудь Волынскому или Чудовскому очень легко: они получают пайки, заседают, *ничего не пишут* и поругивают Советскую власть. В этом-то я вижу вашу основную ошибку: те, которые живут здесь, еще более за рубежом, чем вы. Вот сейчас вышел сборник молодежи – “Звучащая раковина”. Ни одного стихотворения о

России, ни одного русского слова, все эстетические ужимки и позы. Нет, Толстой, вы должны вернуться сюда гордо и с ясной душой. Вся эта мразь недостойна того, чтобы перед ней *извинялись или чувствовали себя виноватым...*».³³ Письмо вызвало скандал: Толстого осуждали за публикацию, Чуковского – за «доносительство». Ситуация была тем хуже, что «Накануне» была единственной эмигрантской газетой, разрешенной к ввозу в Советскую Россию и, по словам Цветаевой, продавалась «на всех углах Москвы и Петербурга».³⁴ Горький писал Толстому о петроградском общественном мнении: «...весьма настроены против вас литераторы за письмо Чуковского»; 4 июня о прекращении публикации своих произведений в «Накануне» заявил Пильняк.³⁵

На этом фоне и появились заявление и стихотворение Ахматовой. Рассмотренные с такой позиции, «гордые презрительные стихи»³⁶ оказываются жестом самозащиты и защиты тех, кто был назван мразью. Через много лет Ахматова пояснила в частном разговоре: «В этом стихотворении <...> сказано самое главное: какие – мы. И (после паузы, веско): – Это – патриотическое стихотворение».³⁷

Откровенное сходство ахматовского произведения со стихотворением «Не с теми я, кто жизнь встречает...» говорит о том, что острие стрелы было направлено прежде всего против тандема Толстой–Крандиевская, и они не могли это не понять (в 1923 году «Не с теми я, кто бросил землю...» было опубликовано во втором издании ахматовского сборника «Anno Domini», напечатанном в Берлине). Но, конечно, это была лишь ближайшая мишень. Текст имеет много больше адресатов, да и значение его далеко выходит за пределы простого выяснения отношений.³⁸ Это программное произведение, множество раз и по-разному интерпретировавшееся исследователями. Приведу обобщающую цитату: «Это стихотворение являло собой поэтическую декларацию от имени тех, кто решил остаться, не отклоняя от себя ни единого удара, написанную поверх политического треугольника: белая эмиграция – сменовеховцы – большевики».³⁹ Итак, не с теми, не с теми и не с теми. С Россией (ср. «Когда в тоске самоубийства...»), со своим городом и «согражданами» (ср. «Петроград, 1919», другое название – «Согражданам»). Но при всей «несравненной правоте»⁴⁰ автора в стихотворении почти тайно звучит нота самооправдания: «Оправдан будет каждый час...».⁴¹

«Боль поражений и обид» Ахматова помнила крепко. В поздней заметке о клевете она назвала имена «некоторых из соперниц-клеветниц» (определение Р. Д. Тименчика). В их числе: «...Мои современницы 1) поэтессы (Крандиевская, Грушко, Зоя Гуковская, Аренс), кот<орые> считают, что я лишила их следуемой им славы. Их королевой была А. Радлова».⁴² Со стороны Крандиевской (как и ряда других обвиненных) клеветы, по-видимому, не было, а было приведенное стихотворение и отчасти естественное, отчасти спровоцированное литературными критиками соперничество двух молодых поэтесс. Обе к тому же были красавицами.

Грани характера и облик Ахматовой в разные годы представляют себе все, Крандиевскую знают гораздо меньше, так что приведу два лаконичных описания. Внучка Татьяна Никитична Толстая о юной бабушке: «...стройная и маленькая, декадентская Афродита с тяжелым узлом темно-золотых волос, шурша шелками и дыша французскими духами и модными норвежскими туманами, и головы поворачивались ей вслед, и сердца бились...».⁴³ Внучка Елена Дмитриевна Толстая о бабушке в поздние годы: «Н. В. после войны была полная, диабетичка, небольшого роста. Огромные светлые глаза и гало легких серебряно-золотых волос. Мягкая, любезная, с железной волей».⁴⁴

Были периоды, когда пути Ахматовой и Крандиевской пересекались.

Их знакомство должно было произойти еще в 1910–1914 годах, когда – с 1907 года по 1914 год – Крандиевская, уже имеющая за плечами стихотворные публикации, выступления и литературные знакомства и состоящая в браке с известным адвокатом Федором Акимовичем Волькенштейном, жила в основном в Петербурге, а Ахматова, в 1910 году выйдя замуж за Николая Степановича Гумилева, покинула Киев и вышла в петербургский литературный свет. Однако сведений об их общении в это время нет.

Известно, что в 1909 году Ахматова (тогда еще Горенко) познакомилась с Толстым: впервые они увидели друг друга в Киеве, а настоящее знакомство произошло в 1910-м. В ближайшие годы им предстояло довольно тесно общаться в более-менее одном петербургском литературном кругу;⁴⁵ тогда Толстой был женат на Софье Исааковне Дымшиц, и Ахматова была с ней в дружеских отношениях. В 1914 году Толстой и Дымшиц расстались, и в конце этого года Толстой со-

единился с Крандиевской.⁴⁶ Прямой связи между двумя событиями не было, но в представлении Ахматовой она была. Вот пересказ ахматовской точки зрения 1960-х годов: «...он переехал в Москву, где прославился, у него появились большие деньги. Тогда он развелся со своей женой С. И. Дымшиц и женился на художнице Крандиевской, добившись ее развода...».⁴⁷ Если пересказ точен, то Ахматова назвала Крандиевскую художницей. В 1907 году Наталия Васильевна занималась живописью у М. В. Добужинского и Л. С. Бакста в школе Е. Н. Званцевой, иногда и впоследствии рисовала, но художницей была не она, а жена Толстого того времени – Дымшиц, в студии оказавшаяся ее «соседкой по мольберту».⁴⁸

О том, что Крандиевская для Ахматовой была прочно связана с Толстым и, отрицательно говоря о нем, Ахматова в том же тоне говорила и о ней, свидетельствует и А. Г. Каминская – внучка Н. Н. Пунина, с семьей которого Анна Андреевна жила до своих последних дней. По словам А. Г. Каминской, с Крандиевской у Ахматовой «было что-то важное связано, это не была для нее случайная фигура».⁴⁹

Вернувшись из эмиграции в 1923 году, Толстой с семьей поселился в Ленинграде, а с 1928 года – в Детском Селе. В первые годы после возвращения Толстого Ахматова неоднократно встречалась с ним в литературных компаниях. Есть свидетельство, что 10 июля 1927 года она была у Толстых на пышном чествовании актеров МХАТа, затянувшемся до утра.⁵⁰ Так что с Крандиевской ей тоже доводилось видаться.

Примерно с 1923 года и до разрыва с Толстым в 1935 году Наталия Васильевна не писала стихов. Расставание, ставшее для нее катастрофой, возвратило ей творчество: родились стихи, воспоминания. Публикации были редкостью, но все же они были, в конце 1943 года Крандиевскую приняли в Союз писателей,⁵¹ поэтому пересечения ее с Ахматовой были неизбежны.

«Близости у Натальи Васильевны и Анны Андреевны никогда не было, личные отношения не обходились без шпилек», – пишет А. Ю. Чернов. И дает примечание: «Крандиевская, всегда наутюженная и тщательно причесанная, богемных нравов не признавала. Вот диалог, пересказанный мне Никитой Толстым:

– Мама, что ты думаешь об Ахматовой?

– Неряха. Может целый день лежать на канапе, а вечером пойдет читать стихи, даже не одернув юбки». ⁵²

Действительно, шпилька – вполне безобидная и без привкуса клеветы. Ахматовское пренебрежение бытом общеизвестно. Ср. запись одной из самых честных свидетельниц:

«Вчера весь вечер я провела у Анны Андреевны.

Она лежит. Но уверяет, что здорова.

Меня уговорила сестра в кресло, куда до сих пор садиться я остерегалась.

– У него, правда, ножки нет, – сказала Анна Андреевна, – но вы не обращайтесь внимания, это не беда, стоит только подставить вон тот сундучок.

<...> Анна Андреевна вскочила и накинула черный халат. (Он порван по шву, от подмышки до колена, но это ей, видимо, не мешает)». ⁵³

«Я видела ее, – вспоминала Н. Г. Чулкова, общавшаяся с Ахматовой с 1911 года и до поздних лет, – и в старых худых башмаках и поношенном платье, и в роскошном наряде, с драгоценной шалью на плечах...». ⁵⁴

Отзыв Крандиевской об Ахматовой: «неряха» – рифмуется с тем, как называла Наталию Васильевну Анна Андреевна: «Толстиха». «Из разговоров с самой НВК известно, что ААА называла ее “Толстихой” и “барынькой”», – свидетельствует внук Наталии Васильевны Иван Никитич Толстой. ⁵⁵ Что стояло за «барынькой», поясняет ахматовское высказывание 1940 года, зафиксированное Л. К. Чуковской:

«Мы заговорили о воспоминаниях Крандиевской, напечатанных нынче в “Звезде”. Я сказала, что они мне очень нравятся.

– Нет, нет, я не согласна. Барские воспоминания. Она всегда была изнеженной, избалованной барыней – такой и осталась: пяти тысяч ей мало. Помните то место у нее в воспоминаниях, где она пишет о голодном мальчишке, которого они приютили? Он сидел за стол за 20 минут до обеда! Какая гадость так писать о голодном ребенке! Они все смеялись над ним, поэтому она этот эпизод и запомнила. Сразу видно, что ее дети никогда не голодали...». ⁵⁶ Чуковская не соглашается и не возражает – она молчит, но в издании «Записок» в сноске дает цитату из этих воспоминаний Крандиевской о своем детстве,

когда дом был – полная чаша и родные по просьбе Максима Горького пригрели голодающую бывшую сельскую учительницу с трехлетним сыном, а затем пристроили ее на службу; при этом учительница держалась униженно, со «смирением профессионально-несчастливого человека», чем вызывала у всех смущение и неприятие. Цитата же такова: «Сергунька поправился, порозовел. Обычно минут за двадцать до обеда, когда еще накрывали на стол, он уже усаживался на свое место с ложкой в руке и терпеливо ждал еды».⁵⁷ Никакой насмешки в этих словах нет. Острота ахматовской реакции была связана, по-видимому, с неизбежной ассоциацией с болезненными обстоятельствами собственной биографии, а именно с многолетним проживанием в семье Николая Пунина в качестве новой жены при наличии жены прежней, причем без постоянного источника личного дохода; в 1929 году к ней приехал из Бежецка сын, который, с некоторыми перерывами, до своего ареста в 1938 году жил и столовался у того же Пунина. Сохранились свидетельства трудных условий того времени. Так, Эмма Герштейн вспоминает, что, когда она в 1934 году навещала Ахматову в Фонтанном Доме, Анна Андреевна с сыном голодали: «Анна Андреевна сказала: “Николай Николаевич уехал с Ирочкой и Анной Евгеньевной в Сочи. Он оставил нам паек, но у нас нет денег, чтобы выкупить его”. Они оба ослабели от голода, даже курево не на что было купить. Потом они, видимо, заняли у кого-то из знакомых немного денег. Тем не менее Лева сдал последний экзамен на тройку, потому что у него от голода кружилась голова».⁵⁸

Насколько оправданно представление о Наталии Васильевне Крандиевской как об изнеженной, избалованной барыне, которую миновали испытания эпохи?

Московское детство Туси Крандиевской, как она описывает его в той части мемуаров, которая была опубликована в «Звезде», можно назвать счастливым и благополучным, при этом оно проходило в высокоинтеллигентной литературной семье, отнюдь не равнодушной к болезненным точкам своего времени, что и видно из публикации. Кроме того, Тусе с матерью и другими детьми довелось конец 1903 и весь 1904 год провести в Олонецкой губернии, где в это время был в ссылке «неблагонадежный» друг Крандиевских С. А. Скирмунт. В 1907 году умер брат Наталии Васильевны Сева, которого она очень любила. Ему посвящен первый сборник ее стихов.

Несчастливым, но благополучным периодом было первое замужество (1907–1914).⁵⁹ Однако на его последний год пришлось начало Первой мировой войны. В напечатанных в 1959 году в сокращении,⁶⁰ а в 1977 году почти полностью мемуарах⁶¹ Крандиевская вспоминает это время, когда она была сестрой милосердия: «Мясорубка войны работала ровно, без перебоев, с механической жестокостью перемазывая человеческие жизни, отбрасывая в сторону *брак*. Этим *браком* были люди, перемолотые не до конца, не насмерть. Их-то и подбирали лазареты».⁶²

Крандиевская пишет и о Первой мировой войне, и о революциях, и об эмиграции бегло, местами – легко и с юмором. Между тем эскизность и изящество описания не должны заслонить от нас реальной картины происходящего. В революционное время пули не только подстерегали любого «за каждым углом», но и залетали в квартиру. Власть оказалась в руках «неприятеля». Новорожденный сын болел. Семью Толстых подстерегал голод. Впрочем, и для Толстого, и для его жены продолжалась литературная жизнь. Все это закончилось отъездом из Москвы ради «летнего отдыха» (спасения от голода и красного террора) в Одессе. Путешествие в Одессу – не просто из одной части страны в другую, а из одного режима в другой, на территории, занятые где немцами, где союзниками России, где бандитами, – было полно опасностей, унижений, крови, грязи, неразберихи. А затем пришлось под пулями бежать из Одессы за пределы страны.⁶³ Началась эмиграция со всеми ее прелестями. Одна деталь: в Париже Крандиевская подрабатывала шитьем платьев – «Были месяцы, когда заработок мой выручал семью».⁶⁴ Она упоминает об этом как бы между прочим, а ее сын от первого брака Федор Федорович Волькенштейн (писавший под фамилией Крандиевский) вспоминает, что безденежье делало Толстого мрачным, «в припадке отчаяния он даже подумывал о самоубийстве».⁶⁵

Беглость и легкость описания Крандиевской тяжелых испытаний в значительной степени связана с тем, что и она, и Толстой «были молоды и полны надежд на будущее»⁶⁶ и так или иначе преодолевали любые трудности. Но главная причина в ином – в их любви, заслонявшей от Наталии Васильевны ужасы времени. Начало войны пришлось на период их романа, и Крандиевская пишет не столько о войне и о своей службе в госпитале, сколько о встречах с Толстым

на фоне войны. С декабря 1914 года они вместе, и все дальнейшие годы чем дальше, тем более Наталия Васильевна поглощена их совместностью, их семьей, творческой силой Толстого, его литературными делами. Случались в их отношениях и кризисы,⁶⁷ но главное на протяжении 20 лет было цело. И создавая свои воспоминания через годы после ухода мужа, а часть – и после его смерти, она пишет прежде всего о нем. Разрыв с Толстым был для нее трагедией, но сохранившееся до конца чувство помогло сохраниться и внутренней гармонии.

Отчего же Крандиевская вызывала раздражение Ахматовой, почему была в ее представлении «избалованной барыней»?

В 1920–1930-е годы, после возвращения из эмиграции, Толстой с семьей постепенно зажил на широкую ногу – в то время, когда почти вся страна бедствовала. О роскошной жизни на Пролетарской улице, дом 4, в Детском (бывшем Царском) Селе вспоминает сын Крандиевской Федор. В арендованном доме было 10 комнат; у Толстых были 2 служанки и бонна; три машины обслуживали 2 шофера; в доме часто принимали гостей, при этом устраивались пышные застолья. Все это было возможно благодаря тому, что Толстой очень много работал, а также умел ладить с властями. При своей обширности дом был густо населен; Федор перечисляет: «...отчим, мама, четверо детей <...>, две бабушки», бонна, ставшая с годами членом семьи.⁶⁸ «Наша семья была не только многочисленна, – пишет Волькенштейн, – но и трудноуправляема. <...> Мама вела эту семью, как опытный штурман, ведущий большой корабль, лавируя между подводными рифами».⁶⁹ Крандиевская вела также литературные дела мужа. В одном из своих мемуарных рассказов – «Миноги» – она мастерски, в трагикомических тонах рассказывает о чудовищной суете своей жизни на примере одного типичного дня.⁷⁰ Не удивительно, что в эти – благополучные – годы не рождались стихи. «...В суете – нет Бога», – записала Наталия Васильевна в дневнике.⁷¹

Крандиевская не отгородилась от мира. Так, в письмах 1935 года мужу, находившемуся у Горького в Горках, она просит его похлопотать за друзей и знакомых, которых арестовывают или ссылают после убийства Кирова.⁷² Но напрямую это ее как бы не касается. Даже после разрыва с Толстым Крандиевская с детьми внешне живет благополучно, по крайней мере, материально она обеспечена. По срав-

нению с жизнью большинства это можно было считать жизнью «барыни» – и об этом, голодая в блокадном Ленинграде, Крандиевская говорила: «Мы все виноваты в теперешнем положении вещей. Вся страна уже много лет голодает. Помните, как на Витебском вокзале лежали повсюду голодающие украинцы. “Панычу, хлеба”, – протягивали руку. А мы, Алексей Николаевич, я, другие, в хороших шубах, сытые, после попоек проходили, и нам казалось, что это где-то далеко, это нас не трогало. Теперь вся страна за это расплачивается».⁷³

Надо сказать, что способность жить радостно, легко и щедро, как оказалось, была неотъемлемой чертой Наталии Васильевны. Эта черта проявляла себя даже в самых немыслимых условиях, включая блокаду.⁷⁴ Любовь Васильевна Шапорина, также блокадница, записывает в дневнике 1943 года: «В 20-х числах января <...> немцы начали усиленно нас бомбардировать, возобновились налеты, от которых мы отвыкли. С 23-го я ночевала у Натальи Васильевны <...> Первый вечер прошел спокойно. Завели патефон и Н. В., Машенька Филиппова и Верочка (племянница няни Лозинских) пустились в пляс – фокстрот, вальс, даже я провальсировала с М.Н.»⁷⁵ Шапорина не раз пишет о том, что в моменты, когда у Крандиевской была еда («продала <...> какую-то мебель за продукты»⁷⁶ и т. п.), она щедро делилась ею. Это не означало, что у Крандиевской была в блокадном городе привилегированная жизнь. Она помогала медперсоналу в госпитале,⁷⁷ дежурила по ночам на крыше дома – и писала стихи.

В цикле «В кухне»:

В кухне крыса пляшет с голоду,
В темноте гремит кастрюлями.
Не спугнуть ее ни холодом,
Ни холерою, ни пулями.

В другом стихотворении того же цикла («В кухне жить обледенелой...»):

Но с младенческим упорством
И с такой же волей жить
Выхожу в единоборство –
День грядущий заслужить.

У судьбы готова красть я, –
Да простит она меня, –
Граммы жизни, граммы счастья,
Граммы хлеба и огня!

«Такой тяжелый, мучительный год, фантастическая зима ко всем тем ужасам, которые довелось пережить, – пишет Шапорина, – и такой творческий подъем, как у <...> Натальи Васильевны. Меня это потрясает и подымает мой дух. Нет, мы не погибнем».⁷⁸

Наверно, к блокадному периоду жизни Крандиевской Ахматова относилась иначе, чем к предшествующим ему годам (слова о барственности были сказаны в 1940 году). По устному свидетельству Э. Б. Коробовой, знавшей Ахматову в 1960-е годы, Анна Андреевна говорила о Крандиевской «с огромным уважением – как о страсто-терпице», но слов ахматовских она не помнит, помнит ощущение от разговора.⁷⁹ К сожалению, неизвестно, на основании каких откликов Ахматову упоминают в ряду тех писателей, которые ценили стихи Крандиевской.⁸⁰

Но вернемся к истокам творчества обеих поэтесс, чтобы проследить историю поэтического диалога, в котором переключка двух стихотворений с зачином «Не с теми я...» – лишь наиболее яркий эпизод.

Ахматова начала писать, по ее собственным словам, в одиннадцать лет.⁸¹ Первое ее стихотворение – «На руке его много блестящих колец...» – было опубликовано в 1907 году в журнале «Сириус»,⁸² издававшемся в Париже начинающим поэтом Гумилевым (вышло всего три номера), после чего до 1911 года публикаций не было.

Крандиевская начала писать, по ее словам, «лет с семи».⁸³ Первая ее публикация состоялась в тринадцать лет – в 1901 году во «взрослом» журнале «Муравей», там было напечатано стихотворение того же года, открывающееся строфой:

Помни, о, помни, мой друг дорогой,
Горе иль радость играют тобой,
Счастлив ли ты, или ноет душа, –
Помни, что жизнь как цветок хороша.⁸⁴

А с 1903 года ее стихи стали появляться ежегодно в ряде вполне достойных журналов. В пользовавшемся огромной популярно-

стью петербургском «Журнале для всех» в 1905–1906 годах (т. е. до момента его закрытия) они нередко оказывались рядом со стихами И. А. Бунина, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, Ф. К. Сологуба, Вяч. И. Иванова. Они были замечены. Так, в 1914 году, приветствуя сборник Крандиевской 1913 года, рецензентка пишет: «Она выступила в печати лет десять – двенадцать тому назад в совсем юном возрасте и сразу же обратила на себя внимание свежим, изящным, вдумчивым дарованием. Этот первый сборник ее стихотворений блестяще подтвердил надежды критики».⁸⁵

«Литературный путь Наталии Васильевны интересен и сложен, – вспоминал С. Я. Маршак. – Она начала свою поэтическую работу очень рано и очень счастливо... Я помню, как она выступала на петербургских литературных вечерах. Ее стихи волновали и трогали слушателей, а среди этих слушателей были Блок и Сологуб и другие поэты – замечательные мастера и требовательные критики».⁸⁶ С Блоком, возможно, существовала даже какая-то переписка.⁸⁷

Таким образом, при старшинстве всего в год Крандиевская вошла в литературу значительно раньше Ахматовой. Но слишком радикальным кажется утверждение А. Ю. Чернова: «Ее публикации были первым голосом юного поколения начала XX в. и оказали влияние на раннюю лирику Пастернака, Ахматовой, Цветаевой и, видимо, Ходасевича».⁸⁸

Многие ранние произведения Крандиевской были незрелыми. Многие, но не все. Лучшие из них могли остаться в памяти будущих великих поэтов. Например, стихотворение Крандиевской 1903 или 1904 года «Сумерки», открывающееся строками:

Тает долгий зимний день...
Все слилось во мгле туманной,
Всеобъемлющей и странной...
В доме сумерки и тень.⁸⁹

– по мнению А. Ю. Чернова, «оставило след в сердце» Б. Л. Пастернака, «музыкальное впечатление» от него через годы откликнулось в хрестоматийных стихах «Никого не будет в доме...» (1931) и «Снег идет, снег идет...» (1957).⁹⁰ Это нельзя назвать влиянием, но как частный случай переключки, как аллюзия это вполне возможно.

Стихотворение Крандиевской «Не могу я вспомнить, что мне снилось...», опубликованное в 1906 году, было, по-видимому, до конца жизни памятно Ахматовой.

***

Не могу я вспомнить, что мне снилось,
Не могу ни вспомнить, ни забыть.
Целый день кому-то я молилась
И так жутко, жутко было жить.
Может быть, тот сон и не случайный,
И мечтой коснулась я на миг
Тех созвучий, что остались тайной,
И куда мой разум не проник.
Только что-то в сердце прояснилось.
Протянулась солнечная нить.
Не могу я вспомнить, что мне снилось,
Не могу ни вспомнить, ни забыть.⁹¹

В этом произведении, повторно опубликованном в сборнике Крандиевской 1913 года, многое было близко Ахматовой времени «Вечера» и «Четок», а две первые, они же последние, строки врезались в память своей афористичностью. В мемуарном очерке последних лет «Амедео Модильяни» Ахматова напишет: «Первый иностранец, увидевший у меня мой портрет работы Модильяни, в ноябре 1945 года в Фонтанном Доме, сказал мне об этом портрете нечто такое, что я не могу “ни вспомнить, ни забыть”, как сказал один неизвестный поэт о чем-то совсем другом».⁹²

В комментарии к этому очерку М. М. Кралин, вслед за Э. Г. Бабаевым,⁹³ дает ссылку на стихотворение Крандиевской.⁹⁴ Однако нужно учесть, что Ахматова могла знать и другие стихи с похожими строками. Таково стихотворение Г. В. Адамовича о покинутом Петербурге – «Что там было? Ширь закатов блеклых...»:

Разговоры, будто бы в могилах,
Тишина, которой не смутить...
Десять лет прошло, и мы не в силах
Этого ни вспомнить, ни забыть.

Скорее всего, Адамович цитирует Крандиевскую. Его же стихотворение, широко известное среди эмигрантов благодаря послед-

ним строкам: «На земле была одна столица, / Все другое – просто города», могло дойти до Ахматовой как в опубликованном виде,⁹⁵ так и в списке. Существует и еще один, ближайший на момент создания очерка, источник: стихотворение 1954 года молодого тогда поэта А. П. Тимофеевского:

***

Ты – как за тысячу веков,
Ты – страшно далека,
Ты – из приснившихся стихов
Последняя строка.
Строка, которой мне не в труд
Любых певцов забыть,
Строка, которой поутру
Ни вспомнить, ни забыть.⁹⁶

Думается, что концовка стихотворения Тимофеевского послужила толчком, актуализировавшим воспоминание Ахматовой о стихотворении Крандиевской и, возможно, Адамовича,⁹⁷ что и стало причиной появления в очерке предложения о «первом иностранце», где полностью воспроизводится именно строка из стихотворения современницы: «...не могу “ни вспомнить, ни забыть”».⁹⁸

Среди ранних произведений Крандиевской есть и другие, перекличка с которыми в ахматовских текстах очень вероятна. Например, уже упомянутое стихотворение, написанное в 1904 году (т. е. в олонекское время) в Лодейном Поле и опубликованное в 1905 году. Оно полно отсылки к Пушкину, к Чехову (прежде всего – к «Трем сестрам») и «акмеистических» деталей задолго до акмеизма:⁹⁹

В глуши
(С природы)

О, Боже мой, какая скука!
Над городом и сон, и тишь...
В пустынной комнате ни звука,
Лишь за стеной скребется мышь.
Там за окном на снежном фоне
Дома прижатые к земле.
Смешались дали в полумгле
В каком-то грязно-синем тоне.

Над речкой церковь, дальше – поле,
Снега, снега... За ними лес.
Опять снега. Растут все боле
До самых пасмурных небес.
Я подошла и молча стала
У замороженных окон.
Собака с лаем пробежала,
Прошел усталый почтальон.
Худая кляча протащилась,
Звеня уныло бубенцом.
Плелась, плелась... Остановилась
Пред покосившимся крыльцом.
Потом прошел телеграфист,
Спеша и кутаясь в шинели...
Уже темнеет. Вихрь метели
Заводит в поле вой и свист.
Густеет мгла, густеют тени,
Смешались контуры, тона...
Мне надоело у окна,
Я вся полна какой-то лени.
Прошла по комнате, потом
Зевая в кресло повалилась,
Но, встав, опять перед окном,
В тоске немой остановилась.
Вот колокольчик зазвенел.
Ямщик с кибиткою дорожной
Сквозь сумрак ночи пролетел,
И замирает звон тревожный.
Звенит над полем, высоко.
Все тише, тише... Реже, реже...
Есть где-то жизнь, – но далеко!
Есть где-то счастье, – но где же?!¹⁰⁰

В сборник 1913 года стихотворение вошло без заглавия,¹⁰¹ в сокращенном и разгруженном от многих прозаических деталей виде, но с прежней последней строфой.

Ср. ахматовское:

Я пришла сюда, бездельница,
Все равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница.
Годы можно здесь молчать...

(1911)

Однако дело не только в подходе к деталям, а в том, что написанное Крандиевской «с натуры» стихотворение было близко еще прежде – даже не Анне Ахматовой, а Ане Горенко – по мироощущению. Ср. «чеховские» строки ее писем С. В. Штейну из Киева. Январь 1907 года: «Я кончила жить, еще не начиная. Это грустно, но это так. Где Ваши сестры? Верно, на курсах, о, как я им завидую. Уж, конечно, мне на курсах никогда не бывать, разве на кулинарных». 13 марта 1907 года: «Мне вдруг захотелось в Петербург, к жизни, к книгам».¹⁰²

Провинциальное существование кончилось для Ахматовой с началом брака с Гумилевым, все изменилось – и последние две строки стихотворения Крандиевской «В глуши» отозвались уже как бы в перевернутом виде в первой строке стихотворения 1915 года:

Ведь где-то есть простая жизнь и свет,
Прозрачный, легкий и веселый...
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед...

Интересно, что это произведение – признание в нежности к провинциальной жизни и клятва верности Петрограду («Но ни на что не поменяю пышный, / Гранитный город славы и беды...») – было создано в Слепневе.

В сборнике Крандиевской 1913 года есть стихотворение «Прогулка с сыном»:

Булонский лес осенним утром,
Туман, прохлада и роса,
И солнце, вялым перламутром
Плывущее на небеса.

Красива ранняя прогулка,
Когда сентябрь зажѐг костры.
Шаги в аллеях слышны гулко,
И камни гравия остры.

Мне мил осенний холод зрелый.
Иду я с мальчиком моим
По этим светлым, опустелым
Дорогам влажно-золотым.

Лелея творческую скуку,
Мне хорошо без слов брести
И друга маленькую руку
В своей, уверенной, нести.

Переключка его со знаменитой ахматовской «Прогулкой» очевидна. Сходство и в названии, и в парижской реалии – «Булонский лес», и в подходе к ряду деталей: «И солнце, вялым перламутром / Плывающее на небеса» – «Безветрен вечер и грустью скован / Под сводом облачных небес» и т. д. Но дальше начинаются принципиальные различия. Ахматовское стихотворение много «острее», чем «камни гравия» у Крандиевской. Острее всего «фирменная» ахматовская деталь: «Перо задело о верх экипажа». Остро другое, невидимое перо: то, которым «словно тушью нарисован / В альбоме старом Булонский лес». Остра и пряна картинка любовного свидания: «Он снова тронул мои колени / Почти не дрогнувшей рукой». А у Наталии Васильевны – мирная прогулка матери с маленьким сыном, семейное тепло и преданность, «осенний холод зрелый» отказа от «весенних» любовных потрясений, «творческая скука», в которой созревает стихотворение. Ахматовский дольник, чреватый сердечными перебоями, и спокойный «допотопный»¹⁰³ ямб Крандиевской соответствуют тональности произведений (отмечу, что дольник в стихах Крандиевской тоже встречается).¹⁰⁴

Что здесь теза, что – антитеза? Дата написания стихотворения Крандиевской неизвестна, стихи в первой книге не датированы. Напомню, что вышла она в самом конце 1913 года. Стихотворение Ахматовой впервые напечатано в сборнике «Четки», вышедшем в марте 1914 года¹⁰⁵, а датировано маем 1913 года. Если дата верна, то вряд ли Анна Андреевна до написания своей «Прогулки» могла знать «Прогулку с сыном», разве что Крандиевская читала стихотворение на каком-то вечере или опубликовала в периодике. По поводу этого точно утверждать ничего невозможно, поскольку биография Крандиевской в деталях не изучена и полная ее библиография не собрана. Ясно одно: ахматовский текст опубликован позднее, чем текст Крандиевской. И весьма вероятно, что «механизм воспоминания, заставляющий героиню перенестись из Петербурга в Париж 1910-го или 1911-го»¹⁰⁶ (именно в эти годы Ахматова побывала в Париже) сработал, прежде всего, благодаря встрече со стихотворением Крандиевской.

Исследователи знают, что ахматовским датам под стихами безоговорочно доверять нельзя. Автор «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой» В. А. Черных пишет: «... в мемуарной и исследовательской литературе неоднократно отмечалось, что у Ахматовой дата под стихотворением не всегда соответствует времени его написания. Иногда таким образом фиксировалась дата события, послужившего поводом к написанию стихотворения. <...> Известны и случаи, когда Анна Ахматова сознательно указывала под своими стихотворениями ложные даты. Иногда настойчивыми указаниями на то, что такое-то стихотворение было написано <...> тогда-то и там-то, она по не всегда понятным причинам стремилась не дать возможности читателю догадаться, что в действительности это произошло не там и не тогда».¹⁰⁷ Если так обстоит дело в данном случае, то «Прогулка» написана не в мае, а в конце 1913 года или начале 1914 года,¹⁰⁸ после того, как Ахматова прочла сборник Крандиевской, а помета «май» означает, что стихотворением она отмечает годовщину памятного события.¹⁰⁹ Тогда неточная дата помогла Ахматовой скрыть факт знакомства с произведением-«прототипом», а тем самым – и constitutive импульс при создании одного из самых известных ее стихотворений.

В книге Крандиевской 1913 года опубликовано также стихотворение, которое чрезвычайно близко поэтике Ахматовой:

***

Идти в полях дорогой дальней,
Где тишина, где пахнет рожь,
Где полдень душный и хрустальный
Так по-знакомому хорош.

Идти и встретить ветер теплый,
Кусты полыни, вольных птиц,
Да странника в рубахе блеклой,
Да спины наклоненных жниц.

И знать, что нет конца дороге,
Что будешь так идти, идти,
Пока не смел погост убогий
В одну дорогу все пути!

Ахматовская лексика, мотивы, тональность. Самая явная параллель у Ахматовой:

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

Осень 1913
Слепнево

То же количество стрóf, тот же размер и характер рифмовки. Тематические и лексические переключки, иногда прямые, иногда – «от противного»: «в полях» – «в полях», «дорогой дальней» – «просторы», «пахнет рожь» – «запах хлеба», «ветер теплый» – «голос ветра слаб», «вольных птиц» – «томлюсь в неволе», «Да спины наклоненных жниц» – «И осуждающие взоры / Спокойных загорелых баб», «Пока не смел погост убогий» – «О смерти Господа моля».

Времени создания стихотворения Крандиевской мы вновь не знаем. Но как бы то ни было, оно было опубликовано раньше ахматовского, впервые напечатанного в 1914 году.¹¹⁰ Дата и место написания произведения Ахматовой вызывает вопросы. Действительно ли оно было написано в Слепневе, откуда Ахматова вернулась 8 сентября? Осень она провела в Царском Селе и Петербурге.¹¹¹ В ахматовском стихотворении есть строки, заставляющие предполагать его ретроспективность: «Но все мне памятна до боли / Тверская скудная земля». Возможно, «Слепнево» здесь указывает не на место написания произведения, а на место, с которым оно тематически связано. Стихотворение могло быть написано позднее, после прочтения Ахматовой сборника Крандиевской.

Вглядимся в еще одно ахматовское стихотворение:

***

Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного приветствую ущерб,
А к колосу прижатый тесно колос
С змеиным свистом срезывает серп.

И стройных жниц короткие подолы,
Как флаги в праздник, по ветру летят.
Теперь бы звон бубенчиков веселых,
Сквозь пыльные ресницы долгий взгляд.

Не ласки жду я, не любовной лести
В предчувствии неотвратимой тьмы,
Но приходи взглянуть на рай, где вместе
Блаженны и невинны были мы.

27 июля 1917

Слепнево

Это прощание со Слепневым (лето 1917 года было последним в имении Гумилевых) и, по большому счету, с Николаем Степановичем (хотя общение продолжалось) явно не обошлось без воспоминания о все том же «полевом», «дорожном» стихотворении Крандиевской. Наиболее явные переключки: «где пахнет рожь», «Да спины наклоненных жниц» – «А к колосу прижатый тесно колос / С змеиным свистом срезывает серп», «И стройных жниц короткие подолы». Описывается одна и та же картина – картина жатвы. В последней строфе: «Пока не смел погост убогий» – «В предчувствии неотвратимой тьмы». В обоих произведениях – «рай» и неотвратимость его конца.

Зачем, почему Ахматова обращалась к тексту Крандиевской? Не потому, что старшая поэтесса могла *так* писать о русской деревне, а она – еще нет.¹¹² Ахматова умела это и без Крандиевской. Вот, например, начало стихотворения, написанного в мае 1912 года во Флоренции и опубликованного в начале 1913 года:

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной...¹¹³

Думается, кроме основной причины, которая будет названа позднее, Ахматову провоцировало на отклик родство с ней самой, явно проступавшее во многих произведениях Крандиевской. В стихах «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...», «Я слышу иволги всегда печальный голос...», «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...», в «Прогулке» совсем нет той ярости, которая проявится в стихотворении «Не с теми я, кто бросил землю...». В последнем, кстати, отозвались и строки из все того же памятного Ахматовой текста – «Идти в полях дорогой дальней...». Ср.: «... где пахнет рожь <...> Кусты полыни, вольных птиц, / Да странника в рубахе блеклой...» – «Темна твоя дорога, странник, / Полынью пахнет хлеб чужой».

Родство, от которого Крандиевская – как могло почудиться Ахматовой – отказалась в стихотворении «Не с теми я, кто жизнь встречает...»; соревнование, соперничество, противоборство... Во всех назначенных Ахматовой поэтических состязаниях она Крандиевскую победила: ее стихи оригинальнее, тоньше, воздействуют сильнее.

Однажды Ахматова сказала про Цветаеву, посвящавшую ей стихи и в письмах объяснявшую ей в любви: «Марина Цветаева много обо мне думала. Наверное, я ей очень мешала».¹¹⁴ И. Л. Лиснянская в книге «Шкатулка с тройным дном» показала, что обе поэтессы «мешали» и «помогали» друг другу.¹¹⁵ История взаимоотношений Ахматовой и Крандиевской во многом непохожа на историю взаимоотношений Ахматовой и Цветаевой, но сходство все же есть: в обоих случаях это был не монолог, а интенсивный диалог.

И начат этот диалог был (как видится на сегодняшний день) Наталией Васильевной – по прочтении первого сборника Ахматовой «Вечер» (1912). Так что Ахматова, внимательно прочитавшая сборник Крандиевской «Стихотворения» (1913), едва ли могла не заметить «свое»:

***

Истома дней опаловых,
Июля тишина.
Вся в ягодах коралловых
Поникла бузина.

За садом речка ленился
Катить свое стекло,
Лишь парится, лишь пенится
И сонно, и светло.

Плывет от лип разморенных
Тяжелый, сладкий дух,
А у окон растворенных
Не счесть звенящих мух.

Ах, только и мечтается –
Под липой в уголке
Весь день, качаясь, маяться
В скрипучем гамаке!

Это стихотворение можно было бы принять за подражание Ахматовой, если бы не снижение пафоса, не едва заметный юмор и легкомысленная интонация. Стихотворение Крандиевской – это, по-видимому, и дань восхищения новой поэтессе, и ощущение родства с ней, и опробование ее приемов, и чуть-чуть – их шаржирование. Не столько состязание, сколько приветствие.

Значит, не только «Не с теми я, кто бросил землю...» – ахматовский ответ Крандиевской, но и другие приведенные реплики Ахматовой – тоже в какой-то степени ответы (на «приветствие»), более ранние и в другой тональности.

Сравним стихотворение Крандиевской с ахматовскими оригиналами:

***

Жарко веет ветер душный,
Солнце руки обожгло,
Надо мною свод воздушный,
Словно синее стекло.

Сухо пахнут иммортели
В разметавшейся косе,
На стволе корявой ели
Муравьиное шоссе.

Пруд лениво серебрится,
Жизнь по-новому легка,
Кто сегодня мне приснится
В легкой сетке гамака?

(Из цикла «Обман»)

О, такой медлительной истомы
Я не знала до сих пор.
(«Синий вечер. Ветры кротко стихли...»,
из цикла «Обман»)

***

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.
(«Дверь полуоткрыта...»)

Ах со мной, печальной узницей...
(«Муж хлестал меня...»)

Ах пусты дорожные котомки...
(«Под навесом...»)

Размер для своего подражания-шаржа Крандиевская тоже выбрала ахматовский: это размер стихотворения «Белой ночью»:

Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как усталая,
Я не решалась лечь...

Текст Крандиевской цитирует этот ахматовский стих на двух разных уровнях: на уровне размера и лексики («Ах»).¹¹⁶

До выхода «Вечера» Крандиевская могла читать почти все эти стихи в периодике – врозь, а вместе их собрала книжка, так что, скорее всего, «Истома дней опаловых...» – отклик именно на книжку.

В январе 1917 года Крандиевская написала и в том же году опубликовала стихотворение,¹¹⁷ в 1919 году вошедшее в ее второй сборник:¹¹⁸

***

Так суждено преданьем, чтобы
У русской девы первый хмель
Одни лелеяли сугробы,
Румяный холод да метель.

И мне раскрылись колыбелью
Глухой Олонии снега
В краю, где сумрачною елью
Озер синеют берега.

Где невеселые просторы
Лишь ветер мерит да ямщик,
Когда, косясь на волчьи норы,
Прносят кони напрямик.

Не потому ль – всем розам юга
И всем обычаям назло –
В снегах, покуда пела вьюга,
Впервые сердце расцвело!

И чем смиреннее и туже
В бутон был скручен строгий цвет,
Тем горячей румянит стужа
Его негаданный рассвет!

Тут очевидны переключки с пушкинским «Зима. Что делать нам в деревне?..», где «дева в сумерки выходит на крыльцо». Только характерной пушкинской рифмы «розе – на морозе» («роза» – «мороза») Крандиевская избегает, заменяя ее на «розам юга» – «пела вьюга». Поэтическая игра построена на инверсии: произведение не о поэте, а о деве – о юной поэтессе Тусе Крандиевской олонецкого времени (конец 1903–1904 год).

Но, кроме того, тут есть аллюзия на ахматовское стихотворение «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...», которое, как мы помним, построено на переключках со стихотворением Крандиевской «Иду в полях дорогой дальней...». В «Так суждено преданьем...» другая тональность, другое содержание, чем в этих стихотворениях-предшественниках, но тот же размер и характер рифмовки, а две первые строки третьей строфы – очевидная отсылка к двум первым строкам третьей же строфы у Ахматовой. Ср.:

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб.

Где невеселые просторы
Лишь ветер мерит да ямщик...

Так Ахматова у Крандиевской оказывается в одной компании с Пушкиным.

В 1918 году Крандиевская написала и напечатала стихотворение, также затем опубликованное в ее втором сборнике:¹¹⁹

***

Мороз оледенил дорогу.
Ты мне сказал: – не упади,
И шел, заботливый и строгий,
Держа мой локоть у груди.
Собаки лаяли за речкой,
И над деревней стыл дымок,
Растянут в синее колечко.
Со мною в ногу ты не мог
Попасть, и мы смеялись оба.
Остановились, обнялись.
И буду помнить я до гроба,
Как два дыханья поднялись,
Свились, и на морозе ровно
Теплело облачко двух душ.
И я подумала любовно:
– И там мы вместе, милый муж!

Хотя сама тема прогулки многократно встречается у Ахматовой,¹²⁰ однако деревенская прогулка семейной пары, кажется, не должна иметь с ахматовскими стихами ничего общего. Между тем стихотворение «Мороз оледенил дорогу...» содержит отсылки к ахматовскому стихотворению, написанному в марте 1917 года и опубликованному 19 января (1 февраля по новому стилю) 1918 года в газете «Петроградское эхо»¹²¹ – раньше, чем текст Крандиевской:

***

По твердому гребню сугроба
В твой белый, таинственный дом
Такие притихшие оба
В молчании нежном идем.
И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.

Нет сведений о том, читала ли тогда Крандиевская, живя в Москве, это стихотворение, опубликованное в петроградской «большой общественно-политической и литературной газете». Думается, что читала – и переключка ее стихотворения с ахматовским не только не случайна, но и служит напоминанием о давней переключке ахматовской «Прогулки» с ее «Прогулкой с сыном».

И «Мороз оледенил дорогу...», и «По твердому гребню сугроба...» – это описание зимнего пути, первая строка Крандиевской – отсылка к первой строке у Ахматовой. В обоих произведениях – прогулка с любимым, счастливая, из тех, что остаются в памяти навсегда. Но ахматовское стихотворение «поэтичное», утонченное, и пуантом этой утонченности становится последняя (знаменитая) строка – «И шпор твоих легоньких звон», вместе с предпоследней создающая ощущение хрупкости, почти ирреальности «исполненного сна». Крандиевская же, и сама умевшая быть изящной и утонченной, пишет стихотворение как будто подчеркнуто заземленное: не сновиденный возлюбленный, а «милый муж», причем неромантическое, глухо звучащее слово «муж» в стихотворении последнее, акцентированное, вместо ахматовского «звон».

Текст Крандиевской содержит аллюзии и на другие ахматовские стихи. Строки: «Ты мне сказал: – не упади, / И шел, заботливый и строгий, / Держа мой локоть у груди», – заставляют вспомнить «Он мне сказал: “Я верный друг!” – и моего коснулся платья» («Вечером», 1913) и «Улыбнулся спокойно и жутко / И сказал мне: “Не стой на ветру”» («Сжала руки под темной вуалью...», 1911).

И ахматовская прогулка, и прогулка Крандиевской «изобразительны», но, кроме того, они «звучат». При этом герои Ахматовой «притихшие», а у Крандиевской они разговаривают и смеются, а вместо романтического «легонького звона» у нее отдаленный лай собак.

Произведение Крандиевской как будто еще более акмеистично, чем ахматовское. В нем даже звукопись способствует созданию зримого образа: четыре возвратных глагола, рифмующихся не только на концах, но и внутри строк,¹²² укрепляют образ объятия:

Остановились, обнялись.
И буду помнить я до гроба,
Как два дыханья поднялись,
Свились...

Но не напрасно рецензенты говорили о символичности лиризма Крандиевской.¹²³

...и на морозе ровно
Теплело облачко двух душ.

Незаметно объятие почти утрачивает материальность. Почти – потому что именно в момент упоминания смерти появляется глагол «теплело». Стихотворение мгновенно переносит нас из материального мира за его пределы, туда, где неизбежна утрата, – и в тот же миг рождает надежду на сохранение связи, бесплотной, но согретой прежним земным теплом.

К мартовскому стихотворению «По твердому гребню сугроба...» имеет отношение еще одно «снежное» произведение Крандиевской, тоже написанное в марте, но в 1919 году, и тогда же опубликованное в ее одесском сборнике. Возможно, Ахматова его не знала.

***

Вторая неделя поста,
А здесь уж забыли о стужах.
В деревьях сквозит чернота,
И голубь полощется в лужах.

А в милой Москве ещё снег,
Звон великопостный и тихий,
И санок раскидистый бег
В сугробах широкой Плющихи.

Теперь бы пойти на Арбат
Дорогою нашей всегдашней!
Над городом галки кричат,
Кружат над кремлёвскою башней.

Ты помнишь наш путь снеговой,
Счастливый и грустный немножко,
Вдоль старенькой церкви смешной, –
Николы на Куриих Ножках?

Любовь и раздумье. Снежок.
И вдруг, неожиданно, шалость,
И шуба твоя, как мешок...
Запомнилась каждая малость:

Медовый дымок табака, –
(Я к кэпстану знаю привычку), –
И то, как застыла рука, –
Лень было надеть рукавичку...

Затоптан другими наш след,
Счастливая наша дорожка,
Но имени сладостней нет, –
Николы на Куриих Ножках!

При всей разнице и даже противоположности этих стихотворений их объединяет снег и сладость прогулки с любимым человеком. У Ахматовой:

И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон...

У Крандиевской:

...Медовый дымок табака...
...Но имени сладостней нет –
Николы на Куриих Ножках!

Как и в предыдущем случае, связь Крандиевской с Ахматовой упрочена отношением к деталям. Ахматова: «Я вижу все. Я все запоминаю, / Любовно-кротко в сердце берегу», («И мальчик, что играет на волынке...», 1911), «Я дрожу над каждой соринкою...» («Дал Ты мне молодость трудную..», 1912) – Крандиевская: «Запомнилась каждая малость...». Упрочена эта связь и тем, что стихотворение отсылает не к одному, а к нескольким ахматовским текстам.

В 1912 году Ахматова написала, а в 1914 году опубликовала в «Четках» стихотворение:

***

Он длится без конца – янтарный, тяжкий день!
Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье!
И снова голосом серебряным олень
В зверинце говорит о северном сиянье.

И я поверила, что есть прохладный снег
И синяя купель для тех, кто нищ и болен,
И санок маленьких такой неверный бег
Под звоны древние далеких колоколен.

Подобно героине Ахматовой, героиня Крандиевской в реальности не там и не в том времени года,¹²⁴ где она пребывает в воспоминании. Обеим видятся старинные русские церкви и сани. Ср. родственные строки: «...И санок маленьких такой неверный бег...»¹²⁵ – «...И санок раскидистый бег...». В обоих стихах рифма «снег – бег».¹²⁶ В обоих звучит ностальгическая нота.

Ср. также «...Медовый дымок табака...» с ахматовскими строками: «Ты куришь черную трубку, / Так странен дымок над ней» («Все мы бражники здесь, блудницы...», 1912). И, наконец, ср. поразившее ахматовских современников новаторством и точным лаконизмом «Я на правую руку надела / Перчатку с левой руки»¹²⁷ с вызывающе прозаическим и трогательным: «...И то, как застыла рука, – / Леня было надеть рукавичку...».

В сборнике 1919 года есть и другие стихи с аллюзиями на ахматовские тексты:

- 1) Крикнули: – монашка,
С тихими-то тяжко.
Проходи, не спрашивай,
Знай себе докашивай
Злую лебеду, –
С нами соберешь ее в аду!
(«Мысли умницы...»)

Ср. с Ахматовой:

...На коленях в огороде
Лебеду полю.
<...>
Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды.
Все сильнее запах теплый
Мертвой лебеды...
(«Песенка», 1911)

А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.
(«Все мы бражники здесь, блудницы...», 1912)

- 2) Шагается по горенке,
Не сыщет уголка
Сестрица некрещеная,
Бессонная тоска.
<...>
Бормочет мне знакомый стих
И все поет, поет.
<...>
Глядит глазами смутными,
Раскосыми чуть-чуть.

У Ахматовой:

Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд ее ясен и ярок.
(«Музе», 1911)

...Шагается пьяный огонь
По высохшим серым болотам.

И Муза в дырявом платке
Протяжно поет и уныло.
В жестокой и юной тоске
Ее чудотворная сила.
(«Зачем притворяешься ты...», 1915)

Поэтический диалог Наталии Крандиевской с более знаменитой современницей – это прием, знак мастерства, не мешающий ее стихам быть глубоко личными и своеобразными. Но с упрочением ахматовской славы в рецензиях на женские стихи, в том числе и в нескольких отзывах на стихи Крандиевской, появились настойчивые утверждения о подражании Ахматовой.

Вот некоторые одесские газетные отклики на участие Наталии Васильевны в литературных вечерах (новый сборник еще не вышел). 29 (16) августа 1918 года: «...понравились нежные, написанные в манере Анны Ахматовой стихи, прочитанные поэтессой Крандиевской, на которую из пустующих лож наводила свой взыскательный лорнет целая эскадрилья молодых одесских поэтов, подающих и не подающих надежды».¹²⁸ 12 декабря (29 ноября) 1918 года (в пересказе Е. Д. Толстой): «На четвертой “Среде” читали свои новые стихи В. Инбер и Н. Крандиевская. К. В. Мочульский делал “предвари-

тельное сообщение” о русской женской поэзии. Судя по газетному отчету, он сетовал на традиционно снисходительное отношение к творчеству женщин, выражая надежду, что расцвет женской поэзии, пришедшийся на последнее десятилетие, положит ему конец, и упоминал об Анне Ахматовой, которая становится главой целой школы. После чтения Верой Инбер и Натальей Крандиевской новых, ненапечатанных стихов в прениях Г. О. Гершенкройн говорил о чисто женской эмоциональности стихов Инбер. Лиризм Наталии Крандиевской, напротив, “мужествен”, символичен и по общему строю сходен с лирикой Вяч. Иванова. Последовала дискуссия Гершенкройна с Мочульским о “женском” (в том числе и у поэтов-мужчин) и “мужском” началах в современной русской поэзии». ¹²⁹

В берлинской рецензии Веры Лурье на третью книгу Крандиевской, вышедшую в 1922 году, говорится: «... в стихах ее чувствуется много влияний, то повеет Мандельштамом, то Ходасевичем, главным же образом, Ахматовой! Не будем осуждать за это поэта...». ¹³⁰ В другой берлинской рецензии на ту же книгу: «Чувствуются старые образцы: Вяч. Иванов, А. Блок и др. <...> Стихи Крандиевской приятны. Они цветут живой творческой мыслью. В них много мягкости. От каждой строки веет “Das ewig Weibliche”. * В то же время это не ахматовские мотивы, и поэтесса в этом смысле имеет свое лицо». ¹³¹ Отрицание влияния Ахматовой неизбежно подразумевает ассоциацию с ней, тем более что рецензент тут же называет другие предполагаемые влияния.

Однако есть и иные оценки этой книги. Н. И. Петровская пишет: «Поэзия Н. Крандиевской, вся нежная в своем тихом звездном сиянии, исходит из самых благородных традиций символизма. <...>

“Близится полдень мой с грозами,
Весь в плодоносном цветении”.

Книга “От Лукавого”, действительно, “плодоносное цветение” не огромного, не поражающего, но изысканно-утонченного таланта, безошибочно понявшего свою поэтическую миссию и умело располагающего творческими возможностями. В сборнике нет совершен-

---

* Вечная Женственность (нем.).

но стремления к новизне внешней, к новизне шумящей, кликушей, ошарашивающей <...>

Стихи ее новы новизной другой, светящей изнутри, раскрывающейся в глубине внутреннего поэтического и жизненного опыта. <...>

Художественная атмосфера “От Лукавого” полна земной чувственной прелести <...> мистерия жизни для ее женственной, в самом глубоком смысле этого слова, души раскрывается лишь через мистирию любви. Но любовь не “поединок роковой”, не извечная ненависть, а благодать и религия, пронизывающая золотыми лучами хмурость земного дня <...>

Трепещущая сокровенная женственность углубляет до бесконечности образы ее чувства, но не замыкает их в глухих стенах современного счастья. Роковая непрочность мира веет над ними черными крыльями, облекает иногда в печально-покорные строфы и отмечает двойной печатью – любви и смерти:

Подумала я о родном человеке,
Целуя его утомленные руки,
И ты ведь их сложишь навеки, навеки
И нам не осилить последней разлуки.

Но даже сознание недолговечности земных наших видений не омрачит звездно-матового сияния ее души:

Благословим светло и просто
Земное горькое вино,
Пока иным в тиши погоста
Нам причаститься не дано.

Земле земное... Смерть же лишь полет к бесконечному. В стихотворении:

Рвануло грудь, и подхватила,
Запела гулкая свирель.
Я видела, как уронила
Былые руки на постель... –

может быть, много оставляющем желать по форме, – звучит мотив совершенно антропософский:

И вот по воздуху по синему
Спираль, развернутая в линию,
Я льюсь, и ширюсь, и звеню
Навстречу гулкому огню.
Меня качают звоны, гуды,
И музыки громовой груды
Встречают радостной игрой
Новорожденный голос мой.

Но космическая музыка, симфония с грандиозными лейтмотивами чужда Н. Крандиевской по самому существу ее дарования. Она чистейший лирик, и лирика должна остаться единственным путем ее лирических устремлений.

...Для каждого есть в мире звук,
Единственный, неповторенный...

В чутком внимании к нему, в тихом слушании его – вся поэтическая миссия Крандиевской. У нее зоркая интуиция...»¹³²

В этом тонком и во многом точном отзыве отсутствует предвидение, которого, впрочем, требовать от рецензента невозможно: Петровская не могла предугадать, что Крандиевской предстоит стать поэтом ленинградской блокады. Но в данный момент нам важно другое: Петровская делает акцент на главном – показывает зрелость, новизну и самостоятельность стихов автора, в ее рецензии Ахматова не упоминается.

Между тем в книге «От лукавого» – последнем прижизненном сборнике Крандиевской – ахматовские мотивы и образы вновь встречаются, диалог продолжается. Сравним некоторые строки Крандиевской со строками Ахматовой:

- 1) ...Но песнь любви, что наизусть
Все пели, – слушаю, как новую.
(«И все ж!.. Приплыв к иному берегу...»)
- ...А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.
(«Перед весной бывают дни такие...», 1915)

- 2) ...И в тетрадь, между страницами,
Как закладку красного шелка,
Я кладу виноградный лист.
(«Засыпаю рано, как дети...»)
- ...И каждая встреча чудесней, –
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песне Песней.
(«Под крышей промерзшей пустого жилья...», 1915)

- 3) Уже пушистый хохолок
На кукурузах зацветает,
Уже утрами залетает
За ставни бодрый холодок...
(«Уже пушистый хохолок...»)

Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
(«Цветов и неживых вещей...», 1913)

Среди произведений, посвященных родине, в сборнике «От лукавого» есть такое стихотворение:

***

С севера – болота и леса,
С юга – степи, с запада – Карпаты,
Тусклая над морем полоса –
Балтики зловещие закаты.

А с востока – дали, дали, дали,
Зори, ветер, песни, облака,
Золото и сосны на Урале,
И руды железная река.

Ходят в реках рыбы-исполины,
Рыщут в пущах злые кабаны,
Стонет в поле голос лебединый,
Дикий голос воли и весны.

Зреет в небе, зреет, словно колос,
Узкая, медовая луна...
Помнит, сердце, помнит! Укололось
Памятью на вечны времена.

Видно, не забыть уж мне до гроба
Этого хмельного питья,
Что испили мы с тобою оба,
Родина моя!

Ср. у Ахматовой:

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.
<...>

Но конец отравленного жала
Был острее веретена...

(1911)

Полное отсутствие тематической связи, но Крандиевская «рифмует» свое стихотворение с ахматовским: «веретена» – «на вечны времена». «Уколола палец безымянный...» – сердце укололось памятью. Такое впечатление, что поэзия Ахматовой для Крандиевской в эмиграции – такая же часть родины, как дали, зори... и – «голос лебединый».

«Голос лебединый» – возможно, прежде всего ахматовский голос. Во всяком случае, он – еще одна ниточка, связывающая стихотворение Крандиевской с Ахматовой:

Стонет в поле голос лебединый,
Дикий голос воли и весны.

Ср. ахматовское:

Я только голосом лебединым
Говорю с неправедною луной.
(«Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...», 1915)

Очень вероятно, что Ахматова не держала в руках заграничные сборники Крандиевской: в силу исторических обстоятельств резонанса в Советской России они не имели.¹³³ И, казалось бы, после «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922) мериться силами и правотой с Крандиевской она перестала. По двум причинам: из-за бесспорности своей победы и из-за исчезновения противника. Но, возможно, этот вывод требует оговорки.

Стихотворение «С севера – болота и леса...» в 1920 году, до книги «От лукавого», было опубликовано в парижском журнале «Современные записки».¹³⁴ Нет свидетельств, что Ахматова его читала,¹³⁵ но ее стихотворение «Согражданам» («Петроград, 1919»), не менее программное и знаменитое, чем «Не с теми я...», кажется еще одним ответом эмигрировавшей поэтессе. Произведение не датировано, напечатано же оно во втором издании «Anno Domini» (1923), в которое вошел ряд стихов 1922 года.

Согражданам

И мы забыли навсегда,
Заклочены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.

Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

Очевидно, что смысл произведения никак не сводится к ответу одному адресату, но параллели-возражения (не столь резкие, как в «Не с теми я, кто бросил землю...») весьма выразительны.

У Крандиевской – российские дали, бесконечный простор, «дикий голос воли», у Ахматовой – «...Заключены в столице дикой...», а за рубежом – «крылатая свобода». У Крандиевской – «Помнит сердце, помнит! Уколось / Памятью на вечны времена», у Ахматовой – «И мы забыли навсегда...». Одна потеряла Россию и вспоминает ее всю, другая сохранила, по крайней мере, часть – свой город («...Мы сохранили для себя / Его дворцы, огонь и воду»). Одна: «Видно, не забыть уж мне до гроба...», другая: «Уж ветер смерти сердце студит, / Но нам священный град Петра / Невольным памятником будет». И у обеих – пронзительное перечисление примет родины. «Двух голосов переключка»,¹³⁶ а о победе тут говорить не приходится. Стихотворение Крандиевской столь же мощное, как и ахматовское.

Как уже говорилось, примерно с 1923 года и до середины 1935 года Крандиевская не писала стихов. С 1925 по 1935 год почти не писала стихов и Ахматова. Их поэтический диалог прервался. А впоследствии его поддерживала уже, кажется, только Крандиевская. Но он не превратился в монолог: Наталия Васильевна вела беседу с ахматовскими стихами 1910-х–1920-х годов. Ср., например, «Люби другую, с ней дели...»¹³⁷ с ахматовским «Я не любви твоей прошу...», «Духов день» с «Небо мелкий дождик сеет...» и в особенности «Было все со мной не попросту / Все не так, как у людей...» с целым рядом ахматовских текстов («Мне ни к чему одические рати...», «Высоко в небе облачко серело...», «Муж хлестал меня узорчатым...» и др.).

Блокадная книга стихов Крандиевской «В осаде» (при ее жизни не напечатанная), по словам А. Ю. Чернова, не имеет аналогов, это «великая книга великого города», где поэт говорит «за всех, не напрягая голосовых связок».¹³⁸ Вот тому пример:

***

На салазках кокон пряменький
 Спеленав, везет
 Мать заплаканная, в валенках,
 А метель метет.

Старушонка лезет в очередь,
 Охает, крестясь:
 «У моей, вот тоже, дочери
 Схоронен вчерась.

Бог прибрал, и, слава Господу,
Легше им и нам.
Я сама-то скоро с ног спаду
С этих со ста грамм».

Труден путь, далек до кладбища,
Как с могилой быть?
Довезти сама смогла б еще, –
Сможет ли зарыть?

А не сможет – сложат в братскую,
Сложат, как дрова,
В трудовую, ленинградскую,
Закопав едва.

И спешат по снегу валенки, –
Стало уж темнеть.
Схоронить трудней, мой маленький,
Легче умереть.

(Из цикла «На улице», 1942)

Однако и в блокадной книге есть стихи, заставляющие вспомнить об Ахматовой,¹³⁹ – прежде всего, те, что принято называть гражданскими. Почему Крандиевской и тут понадобилась Ахматова? Если бы у Наталии Васильевны не было опыта создания гражданской лирики, можно было бы предположить, что она заимствовала опыт. Но еще в 1906 году был опубликован ее поэтический отклик на гибель участников Первой русской революции.¹⁴⁰ А ее стихотворение «Проходят мимо неприявшие, / Не узнают лица в крови...» помечено октябрём 1917 года, это один из первых поэтических откликов на только что свершившиеся события.¹⁴¹ Такого рода стихов у Крандиевской было всего несколько, но они были.

И все же она обращается к гражданским стихам Ахматовой – к тем, что были написаны в годы Первой мировой войны, революций и пореволюционное время. «Блокадный город, из которого она не уехала, потому что не простила себе и не могла повторить крах собственного бегства из прифронтового города (Одесса, 1919), становится не только голодной мукой, но и степенью свободы», – пишет А. Ю. Чернов. Теперь Крандиевская находится в позиции, когда она

вправе писать такие стихи, какие писала Ахматова в послереволюционном Петрограде. Она может ориентироваться на эти образцы и разрешить себе диалог с Ахматовой, которая, между прочим, 29 сентября 1941 года была из Ленинграда эвакуирована.

Крандиевская никого не клеймит. Самое большое, что она позволяет себе, и то, кажется, лишь однажды – легкую насмешку над уехавшими, юмористический выпад (причем не отделяя «вас» от «нас»):

Ну что ж, товарищи, летите!
А град Петра и в этот раз,
Хотите ль вы иль не хотите,
Он обойдется и без нас!

Лишь промотавшиеся тресты
В забитых наглухо домах
Грустят о завах, как невесты
О вероломных женихах.

(«А беженцы на самолетах...», 1941)

И все же то, что она в числе оставшихся, – это принципиально важное для нее решение. Книга «В осаде» открывается «пушкинско-ахматовским» стихотворением:

***

Недоброй славы не бегу.
Пускай порочит тот, кто хочет,
И смерть на невском берегу
Напрасно карты мне пророчат.

Я не покину город мой,
Венчанный трауром и славой,
Здесь каждый камень мостовой –
Свидетель жизни величавой,

Здесь каждый памятник воспет
Стихом пророческим поэта,
Здесь Пушкина и Фальконета
Вдвойне бессмертен силуэт.

О, память! Верным ты верна.
Твой водоем на дне колышет
Знамена, лица, имена, –
И мрамор жив, и бронза дышит.

И променять за бытие,
За тишину в глуши бесславной,
Тебя, наследие мое,
Мой город великодержавный?

Нет! Это значило б предать
Себя на вечное сиротство,
За чечевицы горсть отдать
Отцовской славы первородство.

1941

Здесь явственны переключки со стихотворением Ахматовой «Согражданам» («Петроград, 1919»), открывшим книгу «Anno Domini» 1923 года. Напомню, что одним из импульсов для его возникновения было стихотворение Крандиевской «С севера – болота и леса...», содержащее, в свою очередь, аллюзии на ахматовские тексты. Стихотворение Крандиевской написано тем же размером, что и ахматовское, и исполнено того же пафоса. Вопрос могут вызвать первые его строки: что за «недобрая слава», кто «порочит» героиню? Тут нужно вспомнить, что государственные службы подозревали оставшихся в Ленинграде в том, что они ждут, хотят прихода немцев. Кроме того, эти слова несут в себе след спора оставшихся и уехавших, как в ахматовском «Не с теми я, кто бросил землю...» («...Оправдан будет каждый час...»).

В 1942 году Крандиевская пишет:

***

Этот год нас омыл, как седьмая щелочь,
О которой мы, помнишь, когда-то читали?
Оттого нас и радует каждая мелочь,
Оттого и моложе как будто бы стали.

Научились ценить все что буднями было:
Этой лампы рабочей лимит и отраду,
Эту горстку углей, что в печи не остыла,
Этот ломтик нечаянного шоколаду.

Дни «тревог», отвоеванные у смерти,
Телефонный звонок – целы ль стекла? Жива ли?
Из Елабуги твой самодельный конвертик, –
Этих радостей прежде мы не замечали.

Будет время, мы станем опять богаче,
И разборчивей станем, и прихотливей,
И на многое будем смотреть иначе,
Но не будем, наверно, не будем счастливей!

Ведь его не понять, это счастье, не взвесить!
Почему оно бодрствует с нами в тревогах?
Почему ему любо цвести и кудесить
Под ногами у смерти, на взрытых дорогах?

И в этом глубоко своеобразном, неожиданном стихотворении
есть переключки с Ахматовой. Ср.:

***

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днем, –
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

1915

***

Всё расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес,–

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

1921

Подчеркнуто «ахматовским» является стихотворение:

***

Ты пишешь письма, ты зовешь,
Ты к жизни сытой просишь в гости.
Ты прав по-своему. Ну, что ж!
И я права в своем упорстве.

Мне это время по плечу, –
Не думай, что изнемогаю.
За битвой с песнею лечу
И в ногу с голодом шагаю.

И если надо выбирать
Судьбу – не обольщусь другою.
Утешусь гордою мечтою –
За этот город умирать!

Здесь есть и спор-переключка с Цветаевой, памяти которой Крандиевская в 1941 году посвятила стихи.¹⁴² Он намечен двумя строками с цветаевским анжанбеманом:

И если надо выбирать
Судьбу – не обольщусь другою.

Ср. с Цветаевой:

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
(«Тоска по родине! Давно...», 1934)

Но прежде всего это стихотворение – переключка с Ахматовой, с ее классическим текстом «Когда в тоске самоубийства / Народ гостей немецких ждал...» (осень 1917),¹⁴³ особенно со строками:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда...»

Однако если в стихотворении Ахматовой – резкое неприятие голоса, призывающего эмигрировать,¹⁴⁴ его можно принять за голос

дьявола, то у Крандиевской резкость снята, ее стихотворение – разговор, а не отповедь. Оно посвящено сыну Дмитрию. Это ответ на его письма и – шире – на голоса тех, кто эвакуировался из блокадного города.

Дмитрию посвящена и вся книга «В осаде». В начале войны в Ленинграде были все три сына Наталии Васильевны. Вскоре Никита был мобилизован. Он «проходил службу в тылу, на берегах Камы. С ним была жена с детьми, – вспоминает Д. А. Толстой. – <...> В опустевшей квартире остались мама, Юлия Ивановна и я. Вскоре к нам примкнул Фефа,¹⁴⁵ которому трудно было отапливать квартиру на Кировском. Все четверо – <...> Мама, Юля, Федор и я – перебрались жить на кухню. <...> На кухне были написаны стихи самого обширного и, как мне представляется, самого замечательного ее цикла “В осаде”. Казалось, что стихи заменяли ей хлеб. <...> И в стихах, и в жизни она чутко улавливала дух своего народа. Она была душою бойцом <...> Ее блокадные стихи заставляли почувствовать в себе Россию как нечто неразрывное со всем моим существом. <...> К началу 1942 года <...> Фефа улетел в Москву по вызову Академии наук. В январе у меня начались голодные обмороки. <...> В конце февраля в дверь кухни постучали. <...> Это были корреспонденты военной газеты “Красная звезда”. Они передали нам распоряжение – готовиться к эвакуации. Эвакуироваться надо было по “Дороге жизни” <...> Как выяснилось позже, <...> отец попросил их связаться с городскими властями и помочь организовать нашу эвакуацию. Мама отказалась уезжать. Решено было, что поедут Юленька и я. <...> мама везла меня к Финляндскому вокзалу на санках...»¹⁴⁶ (везла на санках девятнадцатилетнего сына). «На прощание мама перекрестила меня, поцеловала и сказала: “Помни, сынок! Есть великая, наша русская добродетель, которая спасает нас всегда. Это терпение. Будь терпелив”». ¹⁴⁷ Наталия Васильевна осталась в Ленинграде одна. Тогда и появилось стихотворение «Ты пишешь письма, ты зовешь...».

В числе блокадных стихов Крандиевской есть такое:

***

Смерти злой бубенец
Зазвенел у двери.
Неужели конец?
Не хочу, не верю!

Сложат, пятки вперед,
К санкам привяжут.
– Всем придет свой черед, –
Прохожие скажут.

Не легко проволочь
По льду, по ухабам.
Рыть совсем уж невмочь
От голода слабым.

Отдохни, мой сынок,
Сядь на холмик с лопатой,
Съешь мой смертный паек,
За два дня вперед взятый.

Оно датировано февралем 1942 года. Его первая строфа сходна с ахматовским стихотворным наброском:

***

Стеклянный звонок
Бежит со всех ног.
Неужто сегодня срок?
Постой у порога,
Подожди немного,
Меня не трогай
Ради Бога!

Это стихотворение не 1910-х – начала 1920-х годов, как в остальных случаях, – оно написано в 1944 году, а опубликовано после смерти Ахматовой.¹⁴⁸ Стихотворение Крандиевской также было опубликовано посмертно. Так что «Смерти злой бубенец...» и «Стеклянный звонок...» созданы независимо друг от друга, и их сходство можно объяснить только временем их создания и внутренним родством поэтов.

«В 1946 г., – пишет Д. А. Толстой, – должна была выйти книга маминых стихов. Из-за разгрома культуры, учиненного Ждановым и, к позору всей нашей истории, увековеченного в постановлении о Зощенко и Ахматовой, набор уже готовой маминой книги рассыпали. Маме не суждено было увидеть свой сборник».¹⁴⁹ Такова связь событий.

В послевоенные годы в стихах Крандиевской также встречались аллюзии на ахматовские тексты. В 1953 году она писала:

***

Виноградный лист в моей тетради,
Очевидец дней былых и той
Осени, что в спелом винограде
Разлилась отравой золотой.

Выпито вино того разлива
Уж давно. И гол, и пуст, и чист
Виноградник, где он так красиво
Пламенел, засохший этот лист.

Те стихи, в которые закладкой
Вложен он, – боюсь перечитать.
Запах осени, сухой и сладкий,
Источает старая тетрадь.

Виноградный лист – тот, что был положен в тетрадь в молодости и воспет в стихотворении «Засыпаю рано, как дети...» (сборник «От лукавого», 1922):

...И в тетрадь, между страницами,
Как закладку красного шелка,
Я кладу виноградный лист.

Значит, сохраняется и отсылка к ахматовскому:

А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песне Песней.
(«Под крышей промерзшей пустого жилья...», 1915)

Но появляется – в последних строках – и новая аллюзия, обрамляющая элегическое звучание произведения, – на последние строки ахматовского стихотворения, помеченного предполагаемой датой гибели Николая Гумилева:

Запах тленья обморочно сладкий
Веет от прохладной простыни.

(«Страх, во тьме перебирая вещи...», 25 августа 1921)

Очевидно, что поэтический диалог с Ахматовой был до конца важен для Крандиевской: спор, выявление различий, признание и, кажется, тайная любовь – любовь к ахматовским стихам 1910–1920-х годов. Было и уважение к «Музе плача». Думается, что не случайно в воспоминаниях Д. А. Толстого имя Ахматовой упоминается часто и с почтением.¹⁵⁰ видимо, таков был дух дома, несмотря на то, что Ахматова была «неряха», а Крандиевская в ее глазах – «Толстиха». Д. А. Толстой написал музыку на стихи не только своей матери, но и на стихи Ахматовой.

К 1960-м годам Наталия Васильевна совершенно ослепла. Ей приходилось диктовать стихи детям и внукам. В 1961 году Шапорина записала в дневнике: «Справляли у Мити Толстого именины Натальи Васильевны. Попросили ее почитать свои стихи. <...> Тонкое, красивое лицо; подняла тонкую руку. Незрячими глазами смотрела вверх, читала прекрасные стихи».¹⁵¹

Крандиевской не стало в 1963 году, Ахматовой – в 1966-м.

Ахматова:

...Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

(«Любовь», 1911)

Крандиевская:

...Отгоняя и сон, и покой
Пахнет счастьем белый левкой.

(«Мне не спится и не рифмуется...», 1961)

---

¹ Сердечная благодарность за помощь в работе Е. Д. Толстой, И. Н. Толстому и А. Ю. Чернову. За консультации в ходе работы благодарю также Р. Д. Тименчика, А. В. Лаврова, А. Г. Каминскую, Э. Б. Коробову, Н. И. Крайневу, Т. В. Игошеву, Т. С. Позднякову, А. Поморского, П. Е. Поберезкину.

² *Крандиевская Н.* Стихотворения. М.: Книгоиздательство К. Ф. Некрасова, 1913. Обложка работы М. В. Добужинского. Рецензии на книгу относятся к 1914, самые ранние из них – январские. В «Книжной летописи» сборник Крандиевской указан в перечне книг, поступивших

с 12 по 19 февраля 1914, и датирован 1914 (Книжная летопись Главного управления по делам печати. 22 февраля 1914. № 8. С. 9). Но в воспоминаниях Крандиевской говорится, что книга вышла в конце 1913 г.: «Рождественские дни 1913 года в Москве. <...> только что вышла моя книга...» (*Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. Л., 1977. С. 73–74).

³ *Ахматова А. А.* Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 393. О связи стихотворения Ахматовой со стихотворением Хомякова позднее писали и другие исследователи: *Кацис Л. Ф., Одесский М. П.* «И если когда-нибудь в этой стране...» // Литературное обозрение. 1996. № 5/6. С. 218.

⁴ Стихотворение приведено (с поправкой, связанной с изменением правил пунктуации) по изд.: *Хомяков А.* Избранные стихотворения. СПб., 1911. С. 33–34.

⁵ *Тименчик Р. Д.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам»: «Завистницы, соперницы, враги» // «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник. М.; СПб., 2006. С. 493. Цитируемый текст: *Чеботаревская А.* Наталия Крандиевская. Стихотворения // Заветы. 1914. № 5. 52.

⁶ Там же. С. 52–53.

⁷ Стихотворение Крандиевской было прочитано и Гумилевым. Ср. о нем: «О Крандиевской говорил – милая, но бесцветная поэтесса»; примеч. Р. Д. Тименчика: «Незадолго перед тем Н. В. Крандиевскую противопоставили акмеистам...» (далее – цитата из той же рецензии Чеботаревской) (*Тименчик Р.* Читатели Гумилева. Прилож. Начало воспоминаний Варвары Моининой // Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский, Николай Гумилев. М.; Иерусалим, 2017. С. 564, 642).

⁸ Ср.: «Четки» «вышли 15 марта 1914, т. е. вскоре после того, как окончилась кампания по уничтожению акмеизма» (*Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966).* М.; Torino, 1996. С. 376).

⁹ *Иванов-Разумник.* Жеманницы («Четки» Анны Ахматовой и «Печальное вино» Веры Инбер) // Заветы. 1914. № 5. С. 48, 47.

¹⁰ *Гумилев Н.* Наследие символизма и акмеизм; *Городецкий С.* Некоторые течения в современной русской поэзии // Аполлон. 1913. № 1. С. 42–45; 46–50.

¹¹ Русская мысль. 1914. № 5–7. Здесь цит. по републ. в сб.: *Брюсов В. Я.* Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 444.

¹² Там же. С. 444–447.

¹³ *Городецкий С.* Женские стихи // Речь. 1914. 14 апреля. № 100. С. 3.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Альвинг А.* Наталия Крандиевская – Стихотворения // Новь. 1914. 15 марта. № 52. С. 6.

¹⁶ См.: *Кречетов С.* Одиннадцать (Критические заметки по текущей русской литературе) // Утро России. 1914. 25 января. № 20. С. 6; *Полянин А.* Наталия Крандиевская – Стихотворения // Северные записки. 1914. Февраль. С. 180–182.

¹⁷ Там же. С. 182.

¹⁸ *Шумский В.* Женская лирика (эскиз) // Лесное эхо. 1918–1919. № 3–4. С. 15.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Поздний ответ» – название ахматовского стихотворения (1940, 1961), посвященного М. И. Цветаевой.

²¹ «“Отсроченный ответ”, “поздний ответ” можно считать индивидуальным ахматовским жанром программной лирики» (из доклада «Память Ахматовой», сделанного Р. Д. Тименчиком на конференции в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме в 2000).

²² «Срочный ответ» – определение, данное некоторым ахматовским стихам И. Л. Лиснянской. См.: *Лиснянская И.* Шкатулка с тройным дном. Болшево; Калининград, 1995. С. 36–62.

²³ «Литературное приложение» № 1 к выпуску газеты «Накануне» № 29. В том же номере приложения были напечатаны произведения М. Горького, Б. А. Пильняка и др. В последующих приложениях публиковались М. А. Булгаков, О. Э. Мандельштам, М. А. Зенкевич, М. Л. Слонимский, К. А. Федин, М. М. Зощенко, Г. А. Шенгели, М. А. Волошин и мн. др.

²⁴ Редакторами газеты «Накануне» в это время были Ю. В. Ключников и Г. Л. Кирдцов.

²⁵ Не совсем точные сведения. Ахматова не была в Москве четыре года.

²⁶ Чуковский К. И. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 213.

²⁷ Литературные записки. 1922. № 3. С. 23. Ахматовские стихи в «Парфеноне» и «Утренниках» были опубликованы незадолго до публикации их в «Литературном приложении» к «Накануне», также в апреле 1922 (*Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., 2016. С. 189; Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 2. М., 2006. С. 378, 386).

²⁸ Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы. В 2 т. Т. 2. М.; Иерусалим, 2015. С. 321.

²⁹ Русский Берлин. 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте / Изд. подгот. Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. Paris; М., 2003. С. 32–46. См. также: *Варламов А. Н.* Алексей Толстой: Биография. М., 2009. С. 295–368.

³⁰ Накануне. 1922. 14 апреля. № 17. С. 2.

³¹ Литературные записки. 1922. № 1. С. 4.

³² Это не отменяет вывода исследователя о том, что в третьей строфе стихотворения «прямо на поверхность» выходит «дантовский слой»: тема изгнанничества; «чужой хлеб» – цитата из «Божественной комедии» (*Хлодовский Р. И.* Анна Ахматова и Данте // Ахматовские чтения. В 3 вып. Вып. 2. Тайны ремесла. М., 1992. С. 81). Наверняка Ахматова помнила не только дантовские слова, но и пушкинские отсылки к Данте: «Горек чужой хлеб, говорит Данте...»; «...Сколь черств и горек хлеб чужой...» (*Пушкин А. С.* Пиковая дама // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 6. Л., 1977. С. 217; ранняя редакция поэмы «Цыганы» в том же изд.: Т. 4. С. 383). Ср. также у В. К. Кюхельбекера в поэме «Давид»: «Суров и горек черствый хлеб изгнанья...» (*Кюхельбекер В. К.* Лирика и поэмы. Т. 1. Л., 1939. С. 254, 255); у Шекспира: «Есть на чужбине горький хлеб изгнанья...» (*Ричард II.* Пер. Н. А. Холодковского. Действие третье. Сцена I. Цит. по изд.: *Шекспир У.* Полн. собр. соч. В 5 т. Т. 2. СПб., 1902. С. 88).

³³ «Литературное приложение» № 6 к выпуску газеты «Накануне» № 57. С. 2–3.

³⁴ Возмущенное открытое письмо Цветаевой Толстому от 3 (?) июня 1922. Цит. по изд.: *Варламов А. Н.* Алексей Толстой. С. 329.

³⁵ Русский Берлин. С. 43.

³⁶ *Павловский А.* «Это плещет Нева о ступени...» // Нева. 1979. № 6. С. 195.

³⁷ *Ратгауз Г.* Как феникс из пепла. Беседа с Анной Андреевной Ахматовой // Знамя. 2001. № 2. С. 153.

³⁸ Ср.: «Пастернак <...> однажды при мне в очень важном для него разговоре целиком прочитал наизусть “Не с теми я, кто бросил землю...”, сказав, что в этом стихотворении лучше всего сказано то, что он хотел бы сам выразить» (*Иванов Вяч. Вс.* Беседы с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 474).

³⁹ Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы. Т. 2. С. 321. О своем понимании стихотворения «Не с теми я, кто бросил землю...» Р. Д. Тименчик пишет также в статье «После всего: Неакадемические заметки» (Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 25).

⁴⁰ «Несравненной моей правоты» – строка из стихотворения Ахматовой 1940. «Не недели, не месяцы – годы...» (цикл «Разрыв»).

⁴¹ Ср. о другом стихотворении: «...прозвучал голос, предлагающий Анне Ахматовой оставить Россию навсегда. В нем было зловещее утешение:

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд...

– и эти строки <...> слишком прямо отсылают читателя к шекспировской леди Макбет. Разумеется, в действительности такая параллель ни на чем не была основана, кроме чувства сопричастности (если не уедешь, не отделишь себя от России) с тем кровавым, что там происходило» (*Бобышев Д.* Ахматова и эмиграция // Звезда. 1991. № 2. С. 178–179).

⁴² Цит. по: *Тименчик Р. Д.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам». С. 492. Ср. комментарий к этой заметке внучки Н. В. Крандиевской, филолога Е. Д. Толстой (из письма к О. Е. Рубинчик, 1 мая 2019): «Как-то у меня есть сомнение, что можно Н. В. “шить групповуху”. Она все-таки сама по себе. И в том, что она поклонялась Анне Радловой, очень сомневаюсь. Она же довольно консервативная была во вкусах».

⁴³ *Толстая Т. Н.* Йорик // Толстая Т. Н. Ночь. Рассказы. М., 2007. С. 409–410.

⁴⁴ Из письма Е. Д. Толстой к О. Е. Рубинчик, 1 мая 2019.

⁴⁵ Подробно о многолетней истории взаимоотношений Ахматовой и Толстого см. в главе «“Алешка” и “Аннушка”: Литературные отношения Ахматовой и Толстого» (*Толстая Е. Д.* Ключи счастья. Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013. С. 457–500). См. об этом также: *Варламов А. Н.* Алексей Толстой. С. 101–102 и др.; *Тименчик Р.* «Записные книжки» Анны Ахматовой. Из «Именного указателя». I // Эткиндовские чтения II–III: Сб. статей. СПб., 2006. С. 262–264.

⁴⁶ См. главу «Москва и разрыв с Софьей» (*Толстая Е. Д.* Ключи счастья. Алексей Толстой и литературный Петербург. С. 185–251).

⁴⁷ *Будыко М. И.* Рассказы Ахматовой // Об Анне Ахматовой. Л., 1990. С. 483. Ср. также мнение Ахматовой, зафиксированное в дневниковой записи С. К. Островской 3 августа 1953: «Ахматова впервые читала “Хождение по мукам” летом 1953-го <...> Свое беспутство и связь с адвокатской женой <...> Толстой подсовывает Блоку» (*Островская С. К.* Дневник. М., 2013. С. 601).

⁴⁸ *Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. С. 70. «С детства она отменно музицировала на фортепиано, училась рисованию и живописи у Добужинского и Бакста. Но делом всей жизни были стихи, и только стихи» (*Чернов А.* Шапка-невидимка Наталии Крандиевской // Сайт «Наталия Крандиевская». [Электронный ресурс]. URL:<http://krandievskaya.imwerden.de/krandSTATIYA.htm>).

⁴⁹ Из разговора О. Е. Рубинчик с А. Г. Каминской 23 мая 2019. К сожалению, самих высказываний Ахматовой Анна Генриховна не помнит.

⁵⁰ Описание см. в изд.: *Лукицкий П. Н.* Asumiana. Встречи с Анной Ахматовой. В 2 т. Т. II. Париж; М., 1997. С. 269–271.

⁵¹ О приеме Крандиевской в Союз писателей: *Толстой Д. А.* Для чего все это было: Воспоминания. СПб., 1995. С. 221.

⁵² *Чернов А.* Шапка-невидимка Наталии Крандиевской.

⁵³ *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. Т. I. М., 1997. С. 32–33. Запись от 20 июля 1939.

⁵⁴ Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 40.

⁵⁵ Из письма литературоведа и журналиста И. Н. Толстого к О. Е. Рубинчик, 22 мая 2019.

⁵⁶ *Чуковская Л. К.* Указ. соч. Т. I. С. 69. Запись от 17 января 1940.

⁵⁷ Там же. Цитируется мемуарный очерк Н. Крандиевской-Толстой «Гранатный переулочек» (Звезда. 1939. № 9. С. 171).

⁵⁸ *Герштейн Э. Г.* Мемуары. СПб., 1998. С. 209–210.

⁵⁹ «Я не была счастлива с первым мужем. На личной жизни был поставлен крест, как пишется в плохих романах» (*Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. С. 77).

⁶⁰ *Толстая-Крандиевская Н. В.* Я вспоминаю // Прибой: Сборник произведений ленинградских писателей. Л., 1959.

⁶¹ В книжном издании мемуаров (*Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. Л., 1977) глава «Наш разрыв» по сравнению с авторским текстом дана с существенными сокращениями. Не опубликован в книге и примыкающий к воспоминаниям «Селигерский дневник». За возможность ознакомиться с машинописью мемуаров и «Селигерского дневника» с авторскими пометами и пометами других лиц благодарю А. Ю. Чернова.

⁶² *Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. С. 90.

⁶³ Подробно об этом: *Крандиевский Ф. Ф.* Рассказ об одном путешествии // Звезда. 1981. № 1.

⁶⁴ *Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. С. 164. Из письма Е. Д. Толстой О. Е. Рубинчик, 16 июня 2019: «Забавная деталь – швейную машину она купила еще в Одессе и тогда же научилась шить, пока на семью. Там у них плохо клеилось, денег не хватало, как ни бились».

⁶⁵ *Крандиевский Ф. Ф.* Рассказ об одном путешествии. С. 163.

⁶⁶ *Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. С. 143.

⁶⁷ Об одном из семейных кризисов, отразившемся в стихах Крандиевской, пишет Е. Д. Толстая: *Толстая Е. Д.* «Деготь или мед». Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М., 2006. С. 462–466.

⁶⁸ *Крандиевский Ф. Ф.* По дорожкам детскосельских парков. Воспоминания // Звезда. 1984. № 3. С. 66–67.

⁶⁹ Там же. С. 67.

⁷⁰ Начало рассказа: «В этот день я выехала из Детского Села в Ленинград ранним поездом, как всегда, переполненным. Приходилось стоять в проходе. / Нагруженная сумками и бесконечными поручениями, я примостилась у окна и принялась перечитывать свой блокнот. В блокноте стояло:

“1) В Госиздат (аванс у Чагина).

2) В “Советский писатель” к Зое Никитиной.

3) Фининспектор.

4) Вино.

5) Миноги (подчеркнуто два раза).

6) Мите резинки.

7) Юлия – штопка.

8) Сухая горчица (подчеркнуто).

Алеше:

9) Лента для машины.

10) Взять из починки трубку.

11) Табак.

12) Обратный поезд – 5 ч. 30 м.”

Самое неприятное в этом списке было – фининспектор. Самое тяжелое – вино. Самое трудное – миноги. Самое фантастическое – обратный поезд в 5 часов 30 минут.

Как успеть? А успеть надо было, потому что сегодня в 7 часов в Детском Селе – обед, большие гости <...> Алеша просил...» (*Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания С. 211–212). Непонятно, почему Крандиевская не могла воспользоваться одной из трех машин, о которых пишет ее сын Федор. По-видимому, в ее рассказе речь идет о «безмашинном» времени.

⁷¹ Запись Крандиевской об отношениях с мужем, 1929: «Пути наши так давно слиты воедино, почему же мне все чаще кажется, что они только параллельны? Каждый шагает сам по себе. Я очень страдаю от этого. Ему чуждо многое, что свойственно мне органически. Ему враждебно всякое погружение в себя. Он этого боится, как черт ладана. Мне же необходимо время от времени остановиться в адовом кружении жизни, оглядеться вокруг, погрузиться в тишину... Я тишину люблю, я в ней расцветаю. Он же говорит: “Тишины боюсь. Тишина – как смерть”. Порой удивляюсь, как же и чем мы так прочно зацепились друг за друга, мы – такие противоположные люди? ...Вчера Алеша прочел эту страничку из моего дневника и ответил мне большим письмом, а в добавление к нему сказал сегодня утром: “Кстати, о тишине. Ты знаешь, какой эпитафия я хочу взять для нового романа? Эпитафия – «Воистину, в буре – Бог». Тебе нравится?» – Замечательный эпитафия, – ответила я и подумала: “Да, Бог в буре, но в суете – нет Бога”» (Письма А. Н. Толстого к Н. В. Крандиевской / Публ. В. Грекова // Минувшее: Исторический альманах. Т. 3. М., 1991. С. 320–321).

⁷² Там же. С. 330–332.

⁷³ *Шапорина Л. В.* Дневник. В 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 336. Записано Шапориной 5 июля 1942.

⁷⁴ О смехе Крандиевской, о ее самоиронии и юморе даже в блокадном Ленинграде, даже на смертном одре см.: *Чернов А.* Утаенный подвиг Натальи Крандиевской // Крандиевская Н. В. Грозный венок. СПб., 1992. С. 9–10.

⁷⁵ *Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 394.

⁷⁶ Там же. С. 357.

⁷⁷ Об этом – в передаче о Крандиевской на телеканале «Россия-Культура», подготовленной И. Н. Толстым: «Исторические путешествия Ивана Толстого», телепередача «Пушки и лиры».

⁷⁸ *Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 371.

⁷⁹ Из беседы Э. Б. Коробовой с О. Е. Рубинчик 25 июня 2019.

⁸⁰ См. напр., в таком контексте: «...встречи с Буниным и большая дружба с этим строгим художником, который очень ценил зрелое творчество Н. В. Крандиевской. А. А. Блок знал только ранние стихи Натальи Васильевны и, изредка встречаясь с ней, хвалил их, но в этих похвалах, быть может, было не столько признание, сколько поощрение. Позднее поэзию Н. В. Крандиевской высоко ценили такие требовательные критики, как А. Ахматова, О. Форш, Вяч. Шишков, К. Федин» (*Крандиевская-Толстая Н. В.* Вечерний свет: Стихи. Л., 1972. С. 8); «Поэзию Н. В. Крандиевской-Толстой ценили такие писатели, как М. Горький, И. Бунин, А. Ахматова, О. Форш, Вяч. Шишков, К. Федин и другие» (*Крандиевская-Толстая Н. В.* Дорога: Стихотворения / Сост. Ф. Крандиевского, Д. Толстого, Т. Толстой. М., 1985. С. 11). В числе ценителей стихов Крандиевской нужно назвать и ее мужа Алексея Толстого, который говорил о ней: «...Туся – это настоящий поэт и настоящий мастер» (*Толстой Д.* Начало жизни. Воспоминания // Нева. 1971. № 1. С. 126).

⁸¹ *Ахматова А. А.* [Автобиографическая проза] // Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. М., 1991. С. 222.

⁸² Сириус. 1907. № 2. Стихотворение подписано: *Анна Г.*

⁸³ *Крандиевская-Толстая Н. В.* Воспоминания. С. 10.

⁸⁴ Муравей: Еженедельный художественно-литературный журнал с карикатурами. 1901. № 40. С. 2.

⁸⁵ З. Б. Новые стихи // Приложение «Воскресенье» к ежедневной политической и литературной газете «Россия». 1914. № 18. 30 марта. С. 16. З. Б. – по предположению Е. Б. Коркиной, поэтесса З. Д. Бухарова (*Коркина Е. Б.* Крандиевская-Толстая Наталия Васильевна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 128). Такую атрибуцию подтверждает и Р. Д. Тименчик.

⁸⁶ Из неопубликованной речи на авторском вечере Крандиевской, состоявшемся 12 ноября 1943 в московском клубе писателей. Цит. по: *Чернов А.* Утаенный подвиг Натальи Крандиевской. С. 7.

⁸⁷ В берлинской газете «Руль» была помещена заметка «“Теликон”». Художественное книгоиздательство: «В Москве, в 1918 г. наперекор большевистской действительности возникали еще издательства, выпускавшие прекрасные русские книги. <...> В настоящее время кн-во “Теликон” возобновило свою работу в Берлине. Готовятся: <...> сборник памяти Блока под ред. Левенсона с участием Бакста, Судейкина, Маковского, С. Черного, Эренбурга, Шлецера, Зноско-Боровского и др. В сборнике появится переписка Блока с Бальмонтом, Н. Крандиевской» (Руль. 1921. № 302. 13 ноября (31 октября). С. 9). Сборник не вышел. О переписке Блока с Крандиевской ничего не известно. Вполне вероятно, что анонс содержал непроверенные факты.

⁸⁸ *Чернов А.* Шапка-невидимка Натальи Крандиевской.

⁸⁹ Опул. в изд.: Образование: Журнал литературный, научно-популярный и педагогический. 1904. № 7. С. 164.

⁹⁰ См.: *Чернов А.* Шапка-невидимка Натальи Крандиевской; *Чернов А.* Утаенный подвиг Натальи Крандиевской. С. 6–7.

⁹¹ Журнал для всех. 1906. № 5. Май. С. 258 (в номерах журнала сквозная нумерация).

⁹² Ахматова А. А. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 146.

⁹³ Бабаев Э. Пушкинские страницы Анны Ахматовой // Новый мир. 1987. № 1. С. 161.

⁹⁴ Ахматова А. А. Указ. изд. С. 354.

⁹⁵ Современные записки. 1928. № 37. С. 231. Цит. по изд.: Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна). СПб., 2006. С. 89–90.

⁹⁶ Место хранения стихотворения: ОР РНБ. Ф. 1037 (Фонд А. А. Ахматовой), ед. хр. 2005. Приводится по: Тимофеевский А. Рассказ о Якобсоне // Памяти Анатолия Якобсона. М., 2010. С. 15. Тимофеевский, друживший с поэтом Якобсоном, вспоминает: «История со стихотворением “Ты как за тысячу веков...” имела неожиданное продолжение. Ахматова в очерке о Модильяни написала: “Ни вспомнить, ни забыть, как сказал один неизвестный поэт о чем-то совсем другом...”. Случилось это так. Якобсон отвез Ахматовой небольшую подборку моих стихов. Великая поэтесса сказала несколько добрых слов. Здесь необязательно их приводить. В следующий раз Толя вернулся из Питера с машинописной копией очерка, которому еще только предстояло быть опубликованным.

– Читай, – сказал Якобсон и ткнул пальцем в то место, где цитировалась последняя строка моего сочинения. Но там было написано: “один известный поэт...” и т. д.

– Почему известный? – удивился я.

– Не знаю, – усмехнулся Якобсон. – Может, это тебе аванс.

В различных изданиях много лет писалось “известный”. В некоторых вообще опускался этот абзац. Не так давно литературовед Тименчик поставил все на свои места. В рукописи рукой Анны Андреевны было написано “неизвестный поэт”. Видимо, при печати у машинистки случайно выпало “не”. Ну и слава богу, неизвестный лучше, чем известный» (Воспоминания А. П. Тимофеевского «Двенадцать дней в Матвеевском» в Живом Журнале. [Электронный ресурс] URL: <https://apimofeevsky.livejournal.com/8538.html> См. о той же цитате в публ.: Тименчик Р. Тимофеевский Александр Павлович // Тименчик Р. Д. «Записные книжки» Анны Ахматовой. С. 562).

⁹⁷ Ср. историю с «Чаконной» Иоганна Себастьяна Баха. Адресат ряда ахматовских стихов, композитор Артур Лурье играл «Чакону» в 1910-е на рояле в гостиной дома Гумилевых в Царском Селе. Летом 1956 «Чакону» исполнил для Ахматовой альтист Федор Дружинин. В своих воспоминаниях он рассказал, как Ахматова была потрясена этим произведением. «Оказалось, что Анна Андреевна никогда не слышала этой музыки и ничего не знает о ней» (Дружинин Ф. «Чакона» Баха // Московский журнал. 1994. № 3. С. 55). Ахматова пришла на концерт Дружинина и услышала «Чакону» еще раз, но так и не сказала музыканту о том, как давно знакома ей эта музыка. После этого и появились упоминания «Чаконь» в ее произведениях (Рубинчик О. Е. В поисках потерянного Орфея: Композитор Артур Лурье // Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и ее время. М., 2018. С. 403–404).

⁹⁸ Добавление о «неизвестном поэте», в некоторых случаях (в частности, в цитате у Бабаева) – об «известном поэте», возможно, указывает на колебания Ахматовой, к кому давать отсылку: Тимофеевский подходил к разряду «неизвестных», с двумя другими было сложнее. Крандиевская была довольно известна в литературной среде в молодости и безвестна впоследствии, Адамович не был известен в СССР, но пользовался известностью и авторитетом в эмигрантской среде.

⁹⁹ Реплика Е. Д. Толстой: «...то, что нам кажется предвосхищением акмеизма, может быть фетовским ходом. Фет был наизусть. Про Чехова – да, правильно. Мне кажется, что НВ позже, в годы войны и революции, пропиталась еще и Ивановым. И Волошин, конечно, влиял. А места и Кузмин» (из письма Е. Д. Толстой автору статьи, 16 июня 2019).

¹⁰⁰ Образование. 1905. № 4. С. 56.

¹⁰¹ «Кто знает сумерки в глуши?..» (Крандиевская Н. Стихотворения. М., 1913. С. 61).

¹⁰² Ахматова А. А. Соч. В 2 т. Т. 2. С. 180–186. «Слой чеховской стилистики» в письмах Горенко Штейну замечен А. Г. Найманом (Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 41–42).

¹⁰³ «Не ямбом ли четырехстопным, / Заветным ямбом, допотопным?» (В. Ф. Ходасевич).

¹⁰⁴ Примеры дольника из сборника Крандиевской 1913: «Я не заплачу – пусть друг разлюбит. / Ветер, ветер меня приголубит», «О, как согласно еще пылает / Твой свет закатный, мой свет восходный!», «Сижу на траве у погоста. / Как холмики эти смиренню учат!». Дольник можно встретить и в совсем ранних ее стихах.

¹⁰⁵ О точном времени выхода «Четок» см.: *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 106–107.

¹⁰⁶ *Пахарева Т. А.* О мнемоническом маршруте «Прогулки» Анны Ахматовой // Украинский Ахматовский збірник: Вип. 1 (13). В изд.: Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації: Т. 29 (68). № 2. Київ, 2018. С. 226. Т. А. Пахарева считает основным мнемоническим толчком для появления ахматовского стихотворения-воспоминания петербургские впечатления: запах сирени и бензина (Там же. С. 226–228).

¹⁰⁷ *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 8–9.

¹⁰⁸ Создание стихотворения «Прогулка» в начале 1914 не является невозможным: в это время сборник «Четки» еще продолжал формироваться. Январем 1914 в нем помечен целый ряд стихов.

¹⁰⁹ В 1910 Ахматова была с Гумилевым в Париже именно в мае, а в 1911 одна – с середины мая по начало июля (Там же. С. 63, 73–74).

¹¹⁰ Ежемесячный журнал. Февраль 1914. № 2. С. 6. Вместо «Журавль у ветхого колодца, / Над ним, как кипень, облака» – «Так больно было уколотся / О ствол речного тростника». В окончательном виде стихотворение было опубликовано в «Четках».

¹¹¹ *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 98–101.

¹¹² Нужно отметить, что на деревенскую тему и с более-менее схожими образами в это время писало немало поэтов, т. е. многое просто витало в воздухе. Напр., в том же журнале, в котором опубликовано ахматовское «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...», напечатаны такие стихи Поликсены Соловьевой (Allegro): «В пыли и зное, солнцем облитой, / Полями путь полевный мой змеился. / И желтых иволг возглас золотой / Из леса доносился...» («Вечернее»). А также стихи Александра Шириявца: «...Словно в золоте червонном / Ходит рожь, / Шелестит, шумит с поклоном: / “Узнаешь?!” / Звонкой песней вместе с жницей / Я зальюсь, / Над судьбою-озорницей / Посмеюсь!...» («Поляма») (Ежемесячный журнал. 1914. № 1. Январь. С. 1; 1914. № 2. Февраль. С. 7).

¹¹³ Русская мысль. 1913. № 2. С. 86.

¹¹⁴ *Бабаев Э.* «На улице Жуковской...» // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 411.

¹¹⁵ См.: *Лиснянская И. Л.* Шкатулка с тройным дном.

¹¹⁶ Отмечу, что междометие «Ах» несколько раз встречается в сборнике Крандиевской 1913 в стихах, не связанных напрямую с Ахматовой.

¹¹⁷ Ветвь: Сборник клуба московских писателей. М., 1917. С. 21.

¹¹⁸ *Крандиевская Н.* Стихотворения. Одесса: Омфалос, 1919.

¹¹⁹ Стихотворение «Мороз оледенил дорогу...» до сборника 1919 публиковалось дважды – в коллективных сборниках (в обоих публиковались и стихи Ахматовой): Весенний салон поэтов. М., 1918. С. 103–104; Скрижаль. [Пг.], 1918. Сб. 1. (этот сборник вышел в начале октября 1918). Сведения о публикациях, как и в ряде других случаев, взяты из «Библиографического комментария», подготовленного А. Ю. Черновым, на сайте «Наталия Крандиевская». [Электронный ресурс]. URL: http://krandievskaya.imwerden.de/Krandievskaya_komm.htm

¹²⁰ Об этом см., напр., главу «Поэтические прогулки в стихах Анны Ахматовой и Николая Гумилева» в монографии Е. Ю. Куликовой «Пространство и его динамический аспект в лирике акмеистов» (Новосибирск, 2011).

¹²¹ Позднее оно было перепечатано в сб.: *Ахматова А.* Подорожник. Пг., 1921.

¹²² Про редкостное, хотя и не бросающееся в глаза мастерство Крандиевской в обращении

с рифмой (составные рифмы, панторифмы) см.: *Чернов А.* Утаенный подвиг Натальи Крандиевской. С. 17–19.

¹²³ См., напр., отзыв Габриэля Гершенкройна, цитирующийся в публ.: В кружке «Среда» // Одесские новости. 1918. 14 (1) декабря. № 10866. С. 4.

¹²⁴ Не в том времени года – условно: в марте в Одессе уже весна, а в Москве ее воспоминаний март – еще зима.

¹²⁵ Тут есть и общий для обеих поэтесс претекст: стихотворение Фета «Чудная картина...» со строками «...И саней далеких / Одинокий бег» и с той же рифмой «снег – бег». Заимствование Ахматовой фетовского образа было отмечено еще в 1921 (*Никольский Ю.* Фет // Рувль. 1921. 8 сентября), на что указывает Р. Д. Тименчик (*Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Разговорам» Ахматовой // *Intermezzo festoso. Liber amicorum in honorem Lea Pild.* Tartu, 2019. С. 227).

¹²⁶ М. М. Кралин считает, что стихотворение «Он длится без конца – янтарный, тяжкий день...» «написано в Берлине после посещения Ахматовой знаменитого берлинского “Зверинца” (“Zoo”»)» (*Ахматова А. А.* Соч. В 2 т. Т. 1. С. 376). В Берлине Ахматова была в апреле 1912 – проездом во время путешествия с Гумилевым в Италию.

¹²⁷ «Песня последней встречи» (1911). «Рассказывали и то, как однажды важный и торжественный Вячеслав Иванов, прослушав короткое стихотворение юной, почти еще неизвестной поэтессы, – стихотворение, где выделялись две строчки:

Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки...

встал и в волнении воскликнул:

– Анна Андреевна, знаете ли вы, что в этой вашей “перчатке” начинается новая страница в русской поэзии?» (*Адамович Г.* Анна Ахматова // Анна Ахматова: pro et contra. В 2 т. Т. 1. СПб., 2001. С. 726). Ср. ахматовское возражение: «Помню, при встрече он сказал мне, что, по его мнению, это стихотворение удачно. Но и только» (*Адамович Г.* Мои встречи с Анной Ахматовой // Анна Ахматова: pro et contra. В 2 т. Т. 2. СПб., 2005. С. 382). Однако и бытовавшая легенда говорит о многом.

¹²⁸ Мечтатель. Антракты // Театральный день. Одесса. 1918. № 101. 29 (16) авг. С. 3. Цит. по коммент. С. Лушника в изд.: *Крандиевская-Толстая Н.* Свет уединенный. Одесса, 1999. С. 69.

¹²⁹ *Толстая Е. Д.* «Деготь или мед». С. 256. Этот пересказ опубли.: В кружке «Среда» // Одесские новости. 1918. № 10866. 14 (1) декабря. С. 4.

¹³⁰ *Лурье В.* Крандиевская Н. От лукавого. Берлин, 1922 // Сполохи. Берлин, 1923. № 15–16. С. 44. Цит. по: *Тименчик Р. Д.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам»: «Завистницы, соперницы, враги». С. 514.

¹³¹ *Т. Ц.* Наталия Крандиевская. От лукавого. Стихи. Изд. «Геликон». Берлин. 1922 // Новая русская книга. Берлин, 1923. № 2. С. 22. Т. Ц., согласно атрибуции Р. Д. Тименчика, – Татьяна Цемах (*Тименчик Р. Д.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам»: «Завистницы, соперницы, враги». С. 514).

¹³² *Петровская Н.* Наталия Крандиевская. «От Лукавого». Книга стихов. (87 стр.). Книгоиздательство Геликон. Москва-Берлин. 1922 // «Литературное приложение» № 29 к выпуску газеты «Накануне». 1922. № 201. 3 декабря. С. 10–11.

¹³³ Напомню, что сборник «Стихотворения» вышел в 1919 в оккупированной Одессе, а сборник «От лукавого» – в 1922 в Берлине.

¹³⁴ Современные записки. Париж, 1920. Кн. I. С. 65.

¹³⁵ Однако это было возможно. В это время зарубежная пресса еще проникала в Советскую Россию. Эмигрантский литературный журнал «Современные записки» был в сфере интересов Ахматовой. Так, в «Современных записках» № 10 за 1922 была напечатана рецензия К. В. Мочульского на сборник «Anno Domini».

¹³⁶ Строка из стихотворения Ахматовой «Нас четверо» (1961) – о себе, Мандельштаме, Пастернаке и Цветаевой.

¹³⁷ Это и другие стихи Крандиевской, написанные с 1935 по начало 1960-х, наряду с ранними стихами можно прочесть в сб.: *Крандиевская Н.* Грозный венок. СПб., 1992. Также см. сб.: *Крандиевская-Толстая Н.* Вечерний свет. Л, 1972; *Крандиевская-Толстая Н.* Дорога. М., 1985; *Крандиевская-Толстая Н.* Лирика. М., 1989. См. и представительную подборку «Избранные стихотворения» на сайте «Наталия Крандиевская». [Электронный ресурс] URL: <http://krandievskaya.narod.ru/Krandievskaya.htm>.

¹³⁸ *Чернов А.* Утаенный подвиг Наталии Крандиевской. С. 15–16. На блокадную тему см. также стихотворение А. Ю. Чернова «Памяти Наталии Крандиевской» (*Чернов А. Ю.* Глухая исповедь: Стихи и переводы. Париж, 2014. С. 73) и стихотворение П. Ю. Барсковой «ВВ и НК. Памятник» из цикла «Справочник ленинградских писателей-фронтовиков. 1941–1945» (*Барскова П. Ю.* Солнечное утро на площади. СПб., 2018. С. 247–249).

¹³⁹ Один из случаев переключки отмечен А. Ю. Черновым, речь идет о стихотворении 1943 «Свидание наедине / Назначил и мне командор...»: «Здесь, кроме смутной полемики с Ахматовой (не потому ли, что пушкинскую героиню зовут Донной Анной?), ответ на вопрос о религиозности этого поэта. Глубоко внутреннее, интимное чувство, о котором не знают даже сыновья» (*Чернов А.* Утаенный подвиг Наталии Крандиевской. С. 19).

¹⁴⁰ *Крандиевская Н.* Она, как невеста, среди женихов... // *Маски.* 1906. № 1. С. 1.

¹⁴¹ *Чернов А.* Утаенный подвиг Наталии Крандиевской. С. 7–8. Стихотворение было опубликовано лишь в 1922 – в сб. «От лукавого».

¹⁴² «Писем связка, стихи да сухие цветы...», с посвящением: «Памяти Марины Цветаевой».

¹⁴³ Стихотворение существует в разных редакциях. Крандиевская могла знать и первую редакцию, открывающуюся строфами «Когда в тоске самоубийства...» и «Когда приневская столица...» (Воля народа. 1918. № 11. 2 апреля. С. 20), и последующую, без этих строф, с добавленной в конце строфой: «Но равнодушно и спокойно...» (в таком виде стихотворение было опубликовано в сб. 1921 «Подорожник», в «Anno Domini» и др.).

¹⁴⁴ Стихотворение первоначально было посвящено эмигрировавшему другу Ахматовой «Б. А<нрепу>», адресату многих ее стихов (коммент. В. М. Жирмунского в изд.: *Ахматова А. А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 470).

¹⁴⁵ Федор Волькенштейн.

¹⁴⁶ *Толстой Д. А.* Для чего все это было. С. 168–185.

¹⁴⁷ *Толстой Д.* Начало жизни. С. 129.

¹⁴⁸ Сб.: Памяти Анны Ахматовой. Париж, 1974. С. 17. Цит. по: *Ахматова А. А.* Соч. В 2 т. Т. 2. С. 46.

¹⁴⁹ *Толстой Д. А.* Для чего все это было. С. 276.

¹⁵⁰ «По героическому пути пошли М. А. Булгаков, А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам, А. П. Платонов...». (Там же. С. 83).

¹⁵¹ *Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 2. С. 391. Запись от 8 сентября 1961.